

Владимир КИРЮХИН

ЗА КРАЙ

Тольятти 2016

ББК 84(2Рос - 4Сам - 2Тол) 6 - 5
ISBN - 978-5-98147-069-1

Редактор **Владимир Мисюк**
Фотография на обложке **Мария Гаранина**

Владимир Кирюхин. «ЗА КРАЙ». –
ОТО г.о. Тольятти "ТПО", 2016. – 176 с.

В первую книгу тольяттинца Владимира Кирюхина включены стихотворения, написанные за последние пять лет. В сборнике композиционно (по тематическим разделам) объединены лирические произведения поэта, отмеченные жизненной силой, искренностью и точностью поэтического высказывания.

© В. Кирюхин, 2016
© ОТО г.о. Тольятти "ТПО", 2016

С УДОЧКАМИ И РУЖЬЁМ

ТЕПЛА

1
Раскрепив себя по креслу,
Сдвинув ворох по столу,
Пробежав статью про Теслу,
Заскучал я по теплу.

Не хочу в компьютер что-то,
Не желаю долгих дел,
Стопки писем и отчётов.
Зимний замок надоел.

Мысль, без всяких оболочек,
Обтекаемо полна:
В жёлтый, чистенький песочек
Бьётся тёплая волна.

Вырос ландыш на ухабе,
Освежая бугорок.
И на озере, на ряби,
Утопает поплавок.

Замирает свет под лодкой.
Муть кружится от весла.
На корме две стопки водки,
Хлеб, редиска, два мосла.

Чуть приметною тропею
Тень крадётся, луг шуршит.
Олениха к водопою
С оленёночком спешит.

В камышах хлопочут утки.
Шлёпнул карп, видать, большой.
И бегут в часы минутки.
И теплеешь всей душой.

2

Синий лес закат щекочет
То малиновым, то красным.
Водку пить никто не хочет,
Потому что жизнь прекрасна.

ПОД ВОДОЙ

1

Костюм нехитрый для подводки.
По сути, спецкомбинезон.
Плюс ласты, маска. И из лодки
Скользишь, грузами отгружён.

Кукан, перчатки, дышишь в трубку.
Подводное ружьё в руке.
Вода, пощекотавши грудку,
В себя впускает, налегке.

И вот паришь над чудным лесом.
Тут заросли, а тут тропа.
Глазеют рыбы с интересом.
Так, больше мелочь — шантрапа.

Каньоны, горы и поляны.
Как будто ветер в джунглях бродит.
А кто-то вывернул рапаны.
В траве сомёнок тихо шкодит.

Песком покрытые дорожки,
Среди растений, вдаль бегут.
Везде песчаные окошки,
На них ракушки карпы мнут.

Камыш и лотос. Ряска плотно.
Лучи сквозь воду. Полумрак.
Мальки резвятся здесь охотно,
И для засады — самый смак.

Спиной камыш раздвинув с силой,
Найдя опору, как-нибудь,
Встаёшь на дно. Такой красивый.
И ждёшь, когда осядет муть.

Не сразу, очень постепенно,
Возникнет впереди картина.
С боков ты скрыт, вполне отменно.
Не лезла б только в трубку тина.

Рука ружьё вперёд толкает.
Всё хорошо. Жизнь удалась.
Глазами водишь. Выплывает,
В двух метрах от тебя, карась.

Карась хорош, до килограмма.
Но впереди всегда малец.
Ты не стреляешь. «Папу с мамой
Веди скорее, наконец».

И выплывают два ломтяры.
Прицел берёшь чуть ниже брюшка.
Щелчок. Крупнейшего из пары
Стрела прошила, как подушку.

Прицел особый, без сомненья.
В воде своя экзотика.
Другое зреньё, преломленье.
Здесь физика и оптика.

2
А коль прицелить точно в грудь,
Стрела уйдёт в песок.
Обзор вокруг закроет муть,
И выстрел твой не впрок.

Стрелу скорее заряди
В тугой канал ружья.
К ноге упор, а не к груди.
Лицом от острия.

К стволу линь плотно примотай.
Удобней встань, ровней.
Теперь замри и не зевай
И добывай трофей.

В засаде маленький обзор.
Коль просится душа,
Плыви на волю, на простор,
Вдоль колок камыша.

Здесь, вдоль любого островка,
Зовут сазаньи тропки.
Быстра здесь живность и ловка.
Мелькают рыбки попки.

Судак сверкнул, вот сом вильнул,
И лещ успел смотаться.
Тьму краснопёрок ты лягнул,
Плывут и не боятся.

Листву едят, как порося.
Мальков вертлявых клан.
А вот и стаи карася.
И вдруг, как дом — сазан.

Прицелиться. Не напугать.
Щелчок. Полёт. Попал.
Ружьё б не вырвал. Удержать.
Подтягиваешь фал.

Берёшь сазана за бока,
Чтоб под рукой зажать.
Кукан толкаешь в рот, пока
Он бьётся, аки тать.

Кукан сквозь жабры проведён,
Пристёгнут — и итог:
Пусть рвётся и скандалит он
На поясе, меж ног.

Двенадцать где-то килограмм.
Ещё троих возьмишь.
Устанешь вдребезги и в хлам,
Пока назад плывёшь.

ЗАГОН

Загон. Охота на косулю.
Застыли в унтах номера.
Кто на пеньке, а кто на стуле.
Кто шевельнётся — тот дыра.

Плохое у косули зреньё.
Природа нюхать ей велит.
Но суету и мельтешеньё
Коза отметит, углядит.

Стучат загонщики по древу.
Кричат. Стрелки застыли, ждут.
Косули всполохнулись слева.
Рассыпались и там и тут.

Вон в соснах особи и двойки.
Крадутся, скачут на махах.
Отметит снег: откуда, сколько,
Кто сеголеток, кто в рогах.

Летит козёл, забыв про пару.
Сопит, спешит и входит в раж.
Стрелок ружьём назначил кару.
Влёт выстрел. Высший пилотаж.

В кустах таятся две косули.
Средь веток вьётся лёгкий пар.

Крадутся. Не уйти от пули.
Мгновенье. Выстрел и удар.

Прыжок последний, выше метра.
Тревожный крик. Прощальный хрип.
В полёте смерть, как шелест ветра.
Цилиндр свинца под лапку влип.

Вот ноги дёрнулись, застыли.
Глаз помутнел и тёмным стал.
Снег ярко-красный, где убили,
И егерь к джипу привязал.

Теперь на базу, на разделку,
Авто добычу волочёт.
А по вершинам скачет белка.
И убегают, кто живёт.

ДЕЛЬТА

Астраханский душный день
Жжёт камыш уныло.
Вот лизнула лодку тень,
Но не освежила.

Ерик полон комаров.
Никакого ветра.
Задыхается улов —
Два сома по метру.

Пробежать бы сквозняку.
Хоть бы чуть подуло.
Ноет кожа на боку.
Льётся пот на скулы.

Где седые облака?
Долго до заката.
Из протоков вдруг река
Перешла в раскаты.

Раскаляется блесна.
В крошках три стакана.
Лето — это не весна.
Жарко и погано.

Но бросаешь под камыш
Попер с грязным цветом.
И взорвалась гладь и тишь.
Щуки бьют дуплетом.

И пошёл глобальный клёв.
Как они клевали?
Краснопёрок, окупёв
Мы в садок не брали.

Позабылась вся жара.
Спиннинг гнётся хордой.
Распрекрасная пора.
Шли на базу гордо.

На пути, как на подбор,
(Плыть назад нам недалёко),
Энс стоит, как помидор,
И Русак розовощекий.

ТОГДА

Память на экран кладу:
День девятилетия,
В пятьдесят седьмом году,
Прошлого столетия.

Завершали строить ГЭС.
Церковь не взорвалась.
Всюду море и прогресс.
Кладбище купалось.

Под водою купола.
Под водой могилы.

Всё вода как подмела.
Черепя прибило.

В синих далях горизонт
Горы отсекает.
Непривычный водный фронт
Небо отражает.

В день рожденья я, пацан,
К берегу, под кручу.
Черви, удочка, кукан.
Рыбу сыплю в кучу.

Как забросишь, так клюёт.
Тащит вглубь, в стремнину.
Рыба прёт, и прёт, и прёт.
Надо бы корзину.

Тащишь в гору, как Антей,
А в дому не рады:
«Приноси лишь окуней —
Остальных не надо».

На рыбалку, по росе,
Утром, непременно.
В это год купались все
В рыбе по колено.

А потом пошли года,
Всё клевала ерунда.
И куда всё подевалось?
Только память и осталась.

АБАКАН

Долетел до Абакана.
Пересел на Абазу.
Камнем вспучились Саяны,
Ветер вышибал слезу.

Вроде плюс, но как бы минус.
Лодка длинная, как меч.
Я на дне, к продуктам сдвинусь,
Чтобы был презент у плеч.

Сутки шли через пороги.
Вверх толкали по камням.
Ночевали по дороге,
Доверяя якорям.

Наконец дошли до базы.
Близко Лыкова живёт.
На рыбалку с ходу, сразу.
Хариус в стремнинах бьёт.

На балберки ловим смачно.
Снасть для верха и для дна.
Рыбы много. Однозначно.
И природа здесь сильна.

Ходят лоси и маралы.
От медведей сплошь следы.
Рябчиков в тайге хоралы.
Видно всё сквозь слой воды.

Абакан шумит и бьётся.
Вон лосёнок переплыл.
Заяц в буреломе жмётся.
Воздух для зимы остыл.

Горы в красном, жёлтом, буром.
Выпекаем пирожки.
Мы довольны нашим туром.
Жалко складывать мешки.

ФЛОРА И ФАУНА

ПТИЦЫ

Старый столб освоил дятел.
Столб давно без проводов.
Дятел сел, поколошматил,
Что-то съел — и будь готов.

На газоне трясогузки
Дружно прыгают, клюют.
Словно фрак надет на блузки.
Хвост то там, то здесь, то тут.

Скачет пеночка по кроне.
Мухоловка, та — толстяк.
Мошки с мушками в загоне.
Больше мух и птиц косяк.

Сойка — чистый вертолёт.
Вся в коричневом и синем.
Как ребёнок заорёт,
Что-то схватит и покинет.

Вот синицы, воробьи
Дружно стайкой налетают.
А ночами соловьи
Долго вам не спать желают.

Но вступает ночь в права.
Страшен мир ночной и стилин.
Глухо ухаёт сова,
И скрипит протяжно филин.

РЫБЫ

Для чего в природе рыбы?
Наблюдать их или есть?
Мальшня, проныры, глыбы.
Не про них ни лесть, ни честь.

Хвост. Глаза. Плавник, как руки.
Сбоку хордовая нить.
Издают все рыбы звуки,
Если сильно надавить.

Жабрами в воде играют,
Поглощая кислород.
И зевают, и зевают,
Раскрывая часто рот.

Чешуёй в лучах блистая,
Нырк туда, где нет ни зги.
Почему-то сбились в стаю,
Видно, тоже есть мозги.

Окунь — очень любопытный.
Не боится ничего.
Он драчун. Нахальный. Скрытный.
Только слопать бы кого.

Экстра-дура Краснопёрка.
Лезет в ноги, руки, в рот.
Челюсти её, как тёрка.
И на всё она берёт.

А Карась — красавец стадный.
Чёрным облаком плывёт.
Весь тугой, набитый, ладный.
Только беленький живот.

И Сазан — не одиночка,
Но пуглив, велик, вертляв.
Словно вытянулась бочка
И ушла в камыш, слиняв.

Щука — рыба-наблюдалка.
У поверхности воды
Замирает, словно палка,
Не туды и не сюды.

Сом с хвостом — призёр по гребле.
В камыше, в тенёчке спит
И гирляндами у стеблей,
Под листочками висит.

Лещ — как плоская фигурка.
Будто родственник лопат.
Линь — мелькает резво, юрко,
А Судак чуть угловат.

Мир подводный чуткий, зыбкий.
Где загадим, где запруда.
И плывут безмолвно рыбки,
Им не хочется на блюдо.

ФАУНА

1
Зимним утром, в полумраке,
Корм выносят для собаки.
И дымится в миске суп
Из костей и разных круп.

На оградке у загона
Две нахохлились вороны.
Не видать собаке супа.
Только есть собралась тупо,
Как ворона подлетела
И крылом за нос задела.

Злобно вскинулась собака.
Ей бы вмиг затеять драку.
Но ворона перед мордой
Круг за кругом реет гордо.

Вне себя собака лает,
А ворона всё летает.
Тут вторая в миску села,
Кости и крупу поела.
И пока одна летала,
Та, другая, сытой стала.

Как-то там они связались
И ролями поменялись.
Сытая пошла летать,
А голодная — клевать.

А собаке лишь остатки.
Говорят: «Остатки сладки».

2
Пост охраны был достойный.
Кот прижился в нём разбойный.
Цвета солнца и моркови.
Рыжий хвост, усы и брови.

Как соседи подойдут,
Он ложится: гладьте тут.
Рыбу полюбил до дрожи
И любую живность тоже.
Раз зайчонка притащил.
Правда, выбился из сил.

Если едет кто с рыбалки,
То проехать мимо жалко.
Надо рыжего нахала
Угостить. Ему всё мало.

Если разложить улов,
Стащит несколько голов.
А на выбор — право слово,
Тащит самого большого.
Больше самого себя.
С ним ползёт, асфальт скребя.

Голову съедает сразу,
Остальное всё — на базу.
Вроде бы никчемный кот.
Только радует всех. Вот.

З
В деревенском ветхом доме,
Там, где прялка, там, где пяльцы,
Ночь стояла на изломе.
Воровали крысы яйца.

В старом доме ночевали
Мы с приятелем. Рыбалка.
Яйца на столе стояли
В трёхлитровой банке. Жалко.

Крыса первая яйцо
Вверх из банки подавала,
А вторая на лицо
И на грудь его спускала.

Покатила по столу
Вниз, как будто бы роняет.
Там три крысы — на плацу,
Яйца нежно принимают.

Катят в норку — и привет.
Пять минут — и банки нет.
Я лежал, смотрел и, честно,
Было очень интересно.

СОБАКИ

Шёрсткой тёплой и пахучей
Греет ногу мне щенок.
Будет жизнь его тягучей?
Или нет? Он сам игрок.

Как собаки нас меняют,
Возвышают, согревают.
Их любовь всегда чиста,
Всеобъемлюще проста.

Приблудился милый пёсик.
Весь в кудряшках, но боец.
Прибежал одной из просек
К нам во двор, как под венец.

И прижился во дворе.
Громко лаял на заре.
По ночам ежей ловил.
Что где стащит, приносил.

Был дворнягой парень вольный.
Знал своих, чужих не чтил.
Сытый был, всегда довольный.
Но на промысел ходил.

Он коляску охранял,
Птиц подальше отгонял.
Он ошейник не одел.
Он на даме погорел.

Подцепил от вертихвостки
И от близости лишай.
Бобик вышел за подмостки
И покинул этот край.

Взяли мы овчарку Весту.
Знала будку, миску, место.
Выла волком в полнолуние.
Та была ещё шалунья.

С ребятнёй всегда играла.
Подбежит — и шапку хватать.
Вся родня потом гадала:
«Где успела закопать?»

А ещё, в любые поры,
Веста вечно рыла норы.
И такого накопает:
Крот — тот просто отдыхает.

Вот такой собакой ладной,
С самой гибкой из фигур,
Истреблялся беспощадно
Весь бомонд соседских кур.

Мыли Весту мы из шланга.
Шею, хвост, бока, фаланги.
Отряхнётся — душ вокруг.
Как не вспомнишь всяких сук.

Очень Весту мы любили,
И любили с ней гулять.
Но года не пощадили.
Больше нечего сказать.

Был ещё эрдельтерьер,
Просто Шурик. Без манер.
Сам пришёл. Незнамо как.
И пропал примерно так.

У собаки жизнь непрочна.
То случайность, то недуг.
Но собака, это точно,
Член семьи и верный друг.

ОКОЛО МЕДВЕДЯ

Шестьдесят девятый год.
На исход июль бежал.
Мы отправились в поход.
Курс на Северный Урал.

Сложность: полная четвёрка.
Вне жилья и без дорог.
Всё с собою, на закорки.
Сплав рекою, сквозь порог.

Комары нещадно жрали.
Сквозь тайгу, болото шли.
Как-то вечером устали.
Что-то речку не нашли.

Верхней Лысьвы не хватало,
Чтоб сошлась маршрута нить.
На ночлег вся группа встала.
На разведку бы сходить.

Два Володьки. Мы без стона
Покряхтели — и вперёд.
Два часа — и вот затоны.
Речка воды вдаль несёт.

Бурелом вокруг, тайга.
За холмом шумит порог.
И не слышно сапога,
Хруста веток из-под ног.

Где прошли мы, вдруг медведь
В тридцати трёх метрах.
Шерсть темна, с оттенком в медь.
И совсем нет ветра.

Зверь лесной, не из зверинца.
Видно, он пришёл попить.
Мы ему, как два гостинца.
А хотелось долго жить.

Снял с плеча я одностволку,
Дробь на рябчика. Мелка.
Двадцать — не калибр. Что толку?
Осенило с потолка.

Мы на ушко пошептались,
Порешили вверх пальнуть.
И орали, заливались.
Громко так, что просто жуть.

А медведь? Тот от испуга
Мимо нас рванул в тайгу.
Мы не видели в нём друга.
Гадил мишка на бегу.

Долго мы потом дрожали,
Потому что всё же зверь.
И назад почти бежали.
Хочешь — верь, или не верь.

НАТЮРМОРТ

Я на яблоню гляжу
В кухонные стёкла.
Взгляд к земле перевожу:
То морковь, то свёкла.

Вон клубники пять рядов
С краснотою блика.
Чеснока сто шесть голов.
Помидоров клика.

Вон горбатый кабачок
И укроп извечный.
Из-под листьев пяточок
Ярко-огуречный.

Флокс Шиловского в ногах.
Базилика пряди.
Вон арбуз пошёл в размах,
Путаясь в ограде.

В яблоках вокруг трава.
Громыкает где-то.
Отдыхает голова,
Потому что лето.

ГРИБЫ

Тропинки знал я все в лесу.
В лесу, что больше нету.
Ту память я в себе несу
И освежаю к лету.

Грибы: какие, где, когда,
Хорошие и ерунда.
Стоят, прикрытые листом,
Где под сосной, где под кустом.

Маслята — те в траве сидят.
Желтеют, в каплях со слезой.
Вот, цвета сереньких котят,
Рядовки плотно, под горой.

Таится груздь под бугорком.
Разрыть придётся пухлый ком.
В сосёнках грудь напыжил
В иголках рыжик рыжий.

Лосиную тропу подпёр
И раздаёт усмешки
Лесной красавец мухомор,
А рядом сыроежки.

Придёт пора осенних дней,
Опята высыпят у пней.
Окружат массово стволы.
Верх тёмен, ножки все белы.

Жаль, на лицо сплошной регресс.
Грибы лишь в памяти, вдали.
Сгорел на нет прекрасный лес.
Чиновники не сберегли.

ЯБЛОНЯ

Подсчитал вдруг на ходу:
Не задумываясь, сроду,
Нашей яблоне в саду
Шестьдесят четыре года.

Высока, как дивный тис.
Широка, как дуб столетний.
Серый, так сказать, анис.
Два дупла. Сорт поздне-летний.

Крона больше, чем шатёр.
Гуще леса Робин Гуда.
Как трепещущий костёр,
Зеленеющее чудо.

Тонны яблок жмутся вверх,
По бокам, внутри и снизу.
И стучат по кромкам стрех,
По земле и по карнизу.

Подойдёшь — по голове,
По плечам и где-то рядом.
Раскатились по траве,
Словно листья с листопадом.

Вечно яблоня стоит.
На себя все взгляды грудит.
Сада древний монолит
Саженцам примером будет.

ПОЖАР В ТОЛЬЯТТИНСКОМ ЛЕСУ

1
В пятницу с утра пожар
По бокам раздулся.
Санаторий мирно спал.
В ужасе проснулся.

Выбежал тушить народ,
Отстоять «Лесное».
А огонь всё ближе жмёт.
Пал по сухостою.

Перешёл на верховой.
Польхает жаром.
Всё сжирает под собой,
Новый лес и старый.

2
Загасили до обеда.
Избы отстояли.
Все, от пацана до деда,
Вдребезги устали.

Хоть без сил уже валились,
Но огонь сбивали.
Потушили и гордились,
Но впросак попали.

3
Ветер с силой повернул.
Искры разметало.
Вихрем на восток подул.
Пламя дыбом встало.

Сометровый вал огня
Соснам спел некролог.
Дымом солнце заслоня,
Шёл на Портпосёлок.

4
Все пожарки в груди сбились
И стоят, спокойно ждут.
Огнеборцы освежились —
И за несколько минут.

Выгорает лес опальный.
Приказал он долго жить.
Лес не местный. Федеральный.
Город может не тушить.

Трансформатор польхает
На подстанции. Беда.
Огнеборцы позевают:
«Не поедem мы туда.

Всё в порядке. Под контролем.
Просим не паниковать».
И стоят вальжным строем.
И на всё им наплевать.

Мэр Пушков давно на даче.
Пообедал и свалил.
Может, спит, а, может, скачет.
Телефоны отключил.

Он вернётся в понедельник.
Плотно надо отдыхать.
Всё же мэр, а не бездельник.
Голова всем, так сказать.

А пожар к домам всё ближе.
Пламя с двух сторон встаёт.
Вот огонь заборы лижет.
На борьбу пошёл народ.

Грабли в ход, песок, лопаты,
Шланги, тяпки и вода.
У кого ожог в расплату,
Кто упал, но вновь туда.

Александр — предприниматель,
Вывел технику свою —
И бульдозер, и копатель.
Сам среди людей, в строю.

Из Самары две пожарки
Ухитрился он пригнать.
Две пожарки — не подарки,
Много денег надо дать.

5
Люди вещи выносили
На пустырь и в поле.
И тушили, и тушили.
Сбили пламя, что ли?

Лишь к утру пожар согнали.
Люди разбредались.
Но сильнейшие не спали,
Наблюдать остались.

А пожарные, из местных,
Растворились рано,
Слов наслушавшись нелестных
Про свою охрану.

«А чего с нас можно взять?
Весь пожар от ветра.
Можем мы с дорог съезжать
Только на два метра».

Погорели провода.
Две снесло подстанции.
Света нет, ушла вода.
Но пришли инстанции.

В понедельник вышел мэр,
С ним глава пожарных.
Воссоздали массу мер —
Шумных и бездарных.

Свыше тысячи гектар
Выжжено пожаром.
Запустить бы ложный шар,
Чтоб сошло всё даром.

Перевернуть и всё свалить.
Суета без края.
Чтоб спокойно дальше жить,
Город возглавляя.

Портпосёлок без воды.
Весь в дыму. Без света.
Перекрыть завоз еды.
Выживут. Чать лето.

Мол, скорей всего, поджог.
Перекрыть дороги.
Чтоб никто теперь не смог
Выйти за пороги.

6
Дым душил, валил клубами,
Поднималось пламя.
Люди вновь огонь тушили.
Без пожарных. Сами.

Все пожарные машины
На полянке, у кафе.
Огнеборцы, в разном чине,
На дежурстве, подшофе.

Всё само и догорело.
Смог посёлок выжить.
А теперь довольно смело
Можно грудь напыжить.

Прерывая вдох глубокий,
За словами слово,
Льют и льют вранья потоки
Чугунов с Пушкиным.

Словеса не даром лили.
Вознеслись в паре.
По медали получили
«Доблесть на пожаре».

ОГОРОД

По весне, из года в год,
Двигаем лопатой.
Там, где будет огород,
Ком на ком, накатом.

Подцепить, перевернуть
Пласт, не разбивая.
Вешней зяби скорбный путь
С поля и до края.

Часть отметил и вскопал,
Вплоть до останова.
Вытер пот, понаблюдал —
И копаешь снова.

Землю с травами, корнями
Лезвием кромсаешь.
А потом её граблями
Как бы приласкаешь.

Руки полоская в кадке,
Комара размажу.
Будут грядки и посадки.
Копку не уважу.

Семена в земле ужились
С червяками вместе.
Проросли и закустились,
Как начинка в тесте.

Но пока для урожая
Вызревает база,
Надо, я уж точно знаю,
Все полоть три раза.

Поутру полоть не хило,
Вроде не на солнце.
Но полоть всегда постыло,
Всё же не японцы.

Днём полоть противно тоже.
Ветер не спасает.
Заливает пот и гложет.
Тело просто тает.

Полка вечером отвратна.
Я же не Авдотья.
Вечера и так приятны.
Не люблю полоть я.

Освежает нас природа,
Стимулятор вдоха.
Есть ли смысл у огорода?
Хорошо и плохо.

ВОДА

С пузырьками или без,
Убегает, как года.
Неподдельный интерес
Вызывает в нас вода.

Родничками прожурчала,
Пробурчала в пережат,
С рёвом бросилась на скалы,
В половодье шла в накат.

В зной приятно освежала
Сёла, нивы и стада.
Скудно там, где речек мало.
Чудо древнее — вода.

Это дождик, это ливень,
Лёд, сугробы и слеза.
Изо льда древнейший бивень
Показался на глаза.

Это виски, это пиво,
Это винограда плеть.
Это всё, что так красиво.
Это жить и умереть.

Мутен Дон и непрозрачен,
С ним сто речек заодно.
А на Вишере иначе.
Видно рыбу, камни, дно.

Манит глубь и привлекает.
Десять метров — ясный вид.
Это редко, но бывает
В море. Если не волнит.

Море — разговор отдельный.
Место, где вода за край.
Мир бездонный, запредельный.
Это нега. Это Рай.

С комарами есть болота.
Есть озёра карасей.
Есть пруды. В глубинах гроты.
Просто лужи, без затей.

Как ласкает, расслабляет,
Как зовёт в себя вода.
Умывает, помогает
И спасает иногда.

Без воды всё — ничего.
Без неё — пустырь везде.
Жизнь и мудрость в H₂O.
Слава вечная Воде.

ОГОНЬ

Чудо странное такое.
Не растение, не конь.
То безмолвствует, то воет
Фантастический огонь.

В дикий холод нас согреет.
Тьму прогонит из ночи.
Приголубит, пожалеет
И прокалит кирпичи.

С треском пробежит по сучьям.
Как волшебник, как колдун,
В домне, пламенем могучим,
В речку обратит чугуны.

То попляшет по закату.
Бросит пламя на восход.
То огонь свою заплату
Вдруг пришьёт на небосвод.

То из спички выползает,
То над факелом летит.
Так бывает, что терзает,
Если всё огнём горит.

За собой мосты сжигает
И пылает он в груди.
Он, как солнце, освещает
Путь тому, кто впереди.

Слабаку обжечься можно.
Кочки здесь, ухабы там.
Силачу обжечься сложно,
Ходят люди по углям.

Фронт. Война. Ночной прожектор.
В перекрестье самолёт.
Луч по небу чертит вектор,
И огонь врага сожрёт.

Греет, кормит, освещает.
Только пальцами не тронь.
Выручает и спасает.
Спутник. Друг и враг. Огонь.

УЖ

Огромный уж жил под крыльцом
В моём глубоком детстве.
Знал всех, кто населял наш дом,
И тех, кто по соседству.

Солидно, к ночи, выползал.
В моих ногах крутился.
Не просто так. Полива ждал.
У молока клубился.

Торчит над блюдцем с молоком
Головка, не мигая.
Все на крыльце сидят рядком.
Смеются, наблюдая.

Вот тёгушка приносит шланг
И подключает воду.
Трепещет уж, как тот трепанг.
Ныряет вглубь, в природу.

Вода, конечно, для цветов.
Они так красят вид.
Раздвинул уж зелёный кров
И под дождём лежит.

Назад уже не вылезал,
Переползая в ночь.
Вот так и жил. Потом пропал.
Ничем тут не помочь.

КОНТРАСТ

Непролазности подлеска,
У тайги. Глухой простор.
Кедры в небо, как на фреске.
Буреломы как укор.

Средь тайги живут болота.
Ноги в них по пояс гробь.
Комары — аж до икоты.
Кочки, тина, глен и топь.

Море! Всё оно прекрасно.
Лёгкий бриз. То рябь, то гладь.
На закате парус красный.
Воздух. Только спать да спать.

Но студёною зимою
Любит море обжигать.
Дикий шквал корабль накроет,
Чтобы скрыть и удержать.

Хороши пустыни, степи.
Здесь верблюды и бархан.
Караваны — жизни крепи.
Под чинарой дастархан.

Но задует вдруг «афганец»,
Или кончится вода.
Из песка и ветра танец.
Ночью злые холода.

Гладит мир лицо улыбкой.
Но порою лик клькаст.
Твердь не вечна, очень зыбка.
Жизнь! Зачем тебе контраст?

КАК Я СПАЛ

Спал я на снегу зимой.
Трудностей больших здесь нету.
Стелешь лапник под собой,
Над собой — и всем приветы.

Толще лапника слои.
Спальник — тоже понадёжней.
Не замёрзнешь до зари.
Вот с волками осторожней.

Очень долго стелешь гать,
Если надо спать в болоте.
Мокрым только бы не стать.
И на гать в брезент. Как в гроте.

Вбок совсем не повернуть,
Опрокинешься в трясины.
То ли сон, а то ли жуть.
Ноги бережёшь и спину.

В яхте спал во время бури.
На шпангоутах боками.
Волны, словно стаи фурий,
Сон лизали языками.

Этот сон такой короткий,
Потому что смена. Вахта.
Шкоты. Вновь и вновь проводки.
Буря. Волны. Ночь и яхта.

Спал в пустыне, где не ярко.
Холод ночью в тыл и с фланга.
И дождался я подарка:
Проползла по мне фаланга.

Спал в тайге и на песочке.
Спал в избушках и палатках.
Спал в степи на бугорочке.
Спал в грязи, где гнус и гадко.

Спал в роскошных я постелях.
А зима сменяла лето.
Дома спал и спал в отелях.
Потому что жизнь всё это.

ВЛАДИМИРОВКА

Вся в сосульках, из-под наста,
Веточка старинной вишни.
Древний сорт. В саду он — каста.
И любимый, и не лишний.

По весне пробьются почки.
Загустятся тонко ветки.
Вот листочки, словно строчки,
Как слова во рту соседки.

Ствол корявый, чёрный, старый.
Рядом крепкие потомки.
Шесть потомков встали в пары,
Взяв зелёные котомки.

Скоро в изумрудном блюде
Звёзды ало засверкают
И рубинами нальются,
И кроваво замерцают.

И во рту они растают,
Возбуждая ощущенья.
Небо помнит, губы знают
Детства вкус и наслажденье.

И НЕДАВНО, И ДАВНО

ДРУГ?

В клубке давно скользнувших дней,
Забывтых и мечтательных,
Так мало истинных друзей.
Побольше там приятелей.

Друзей нам, видно, дарит Бог,
Не щедро, очень скупю.
Приятель — он не так уж плох,
Но сравнивать их глупо.

Жена бывает тоже друг,
Но как-то эфемерно.
Раба семьи, слуга подруг.
В ней всё закономерно.

Когда был дивно молодым,
Всё охватить хотелось.
Желаний плеск, мечтаний дым.
Ценились блеск и смелость.

Казалось, будто ты в борьбе,
Весь совершенный, целый.
И подлостей тогда тебе
Почти никто не делал.

Проходит юность, как недуг.
Года, как искры, мчатся.
С тобою друг, твой старый друг,
Смог как-то, но остаться.

Весь в недостатках, нелюдим.
Он личность, не из стада.
Но хорошо тебе лишь с ним.
И объяснять не надо.

Ему твою не надо лесть,
Ни славу, ни монету.
Как хорошо, когда он есть.
И плохо, если нету.

ВРЕМЕНА ЖИЗНИ

Детство — это брызги света.
Небо синее без туч.
Детство — это память лета.
Детство — это острый луч.

Детство — яркие цвета,
Радости заказник.
Детство — это суета.
Детство — это праздник.

Юность — это блеск и искры,
Звон литавр и пенье труб.
Кастаньеты и монасты.
Юность — это радость губ.

Отношений слепота.
Юность — жизни задник.
Юность — это суета.
Юность — это праздник.

Зрелость — славы и свершений
Перепуганный пейзаж.
Зрелость бед и достижений —
Событийный дикий пляж.

Зрелость — ты не скукота,
Мудрости рассадник.
Зрелость — это суета.
Зрелость — это праздник.

Старость — это сбой в крови.
Мрак, прогнущий суть.
Старость — реквием любви.
Старость — в бездну путь.

Старость — траура плита,
В ожиданье казни.
Старость — тоже суета,
Но уже не праздник.

БЫВШЕМУ

Америке дел нету
До украинских масс.
Им втюхать бы ракеты,
Направленные в нас.

Просторы Украины —
Для размещенья НАТО.
Потом согнёте спины,
Чтобы вернуть затраты.

В вас миллиарды влиты.
Затмил вам доллар суть.
Нацисты и бандиты —
Ваш дикий, скорбный путь.

Бандеровцы, фашисты.
Бесчинство и враньё.
Прислужники нацистов
Средь вас, как вороньё.

Отец твой был героем.
Кровь пролил на войне.
Сынок дрова изгоям
Пилил в чужой стране.

Нацисты скалят рыло.
Ты им ночлежку в дар.
Твоя жена забыла
Войну и Бабий Яр.

Бандитам помогаешь,
Порвал с друзьями нить,
И Путина ты хаешь.
Да не тебе судить.

Ты учишь нас заочно.
Плевков на пол-лица.
Ты предал нас и, точно,
Россию и отца.

ДЕТСТВО

Помню. Жорка в бочке.
Выглянул. Чревато.
Кровь по всей сорочке —
Лбом поймал гранату.

Из сосны граната,
Грубого обпила,
Рядом с автоматом
Розовато стыла.

Лазарь из землянки
Призывает к бою.
С порохом две склянки
Ждут уже героя.

Полыхнуло взрывом,
Доски полетели.
С подкопчённым рылом
Лазарь лёг в постели.

Из рогаток шпонками
С Мишкой мы стреляли.
Мужику с тушёнкою
Прямо в нос попали.

От него мы мчались.
Попадёт богато.
Мату обучались
На бегу ребята.

Не на нашей улице,
Где не будут шарить,
Мы поймали курицу.
На костре пожарить.

Пионеры были
Мы с душою тонкой.
Как-то отловили
Даже поросёнка.

Воевали грубо.
Щит из бочкотары.
А из листьев дуба
Делали сигары.

Прикрывая лица,
Кирпичами, метко,
Били черепицу
Вредине соседке.

Свой район спасая,
Дрались мы до крови,
Зубы собирая,
Зашивая брови.

Страх не для героя.
Телогрейки к талии.
На плотях весною
Делали баталии.

И орали над плотами.
Замерзали дико.
Промокали вдрызг местами,
Хрипли все от крика.

На победу вся надежда.
Годы уходили.
И латали нам одежду,
И носы чинили.

Штандр, чижик и лапта,
Городки и бабки.
Жизнь давно уже не та
И не те повадки.

И когда-то, редко, вдруг,
Память, как из семя.
Где он, тот из детства друг?
Где оно, то время?

ТЕЗИСЫ БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ

Фотографии. Открытка.
Тётя. Баба Клава.
Оренбург. Коза. Калитка.
Кзаки. Облава.

Дядя. Сбруя. Шашка. Конь.
Скачка. Взрыв. Тачанка.
Шпоры. Выстрелы. Огонь.
Кровь. Война. Гражданка.

Молодость. Кумач. Косынки.
Голод. Степь. Овраги.
Бурка. Пулемёт. Поминки.
Встреча. Свадьба. Флаги.

Курсы. Женсовет. Перловка.
Астрахань. Ученье.
Пот. Будёновка. Винтовка.
Пирамиды. Пенье.

Гарнизон. Квартира. Дача.
Ночь. НКВД. Шаги.
Пронесло. К другим. Удача.
Сын. Самара. Пирог.

Ашхабад. Ташкент. Война.
Тяготы. Заботы.
Спецзадание. Ордена.
Батальоны. Роты.

Институт жены. Диплом.
Ныроб. Чердынь. Печка.
Строй. Барак. Корова. Дом.
Офицеры. Свечка.

Ставрополь. Плотина. ГЭС.
Служба. Плёс. Машина.
Огород. Пельмени. Лес.
Сапоги. Овчина.

Жизнь. Мелькала. Улыбалась.
Скрылась. Где-то. За горой.
Пенсия. Болезни. Старость.
Память. Обелиск. Покой.

ПАЛАТКА

Старая палатка,
С дырами брезента.
Под дождём в ней сладко
При натяжке тента.

Лапник лёг под днище.
Вбиты колья туго.
Сверху льёт дождище.
Рядышком подруга.

Гречка и тушёнка.
Кружка, с дымом, чая.
И душевно тонко,
Я рассвет встречаю.

А гитара нежно
За сердце хватает.
Бьёт прибой мятежно.
Ночь в тумане тает.

Верная палатка
Напиталась влагой.
Съели без остатка
За ночь всё ватагой.

Добрая палатка,
Ты приют средь бездны.
Ты уютно гладка.
Для души полезна.

Юности походы.
Близости и дали.
Там, внутри природы,
Все мы побывали.

СУНДУК

В детство сердце вдруг заглянет.
Память сдвинет время в круг.
Бузина. Тропинка к бане.
Старый тётушкин сундук.

Нафталиновый резкий запах.
Здесь застыл старинный мир.
Смотрит компас в нём на запад.
Муфты. Старенький мундир.

Вышивки. От зверя лапки.
Старый меховой жилет.
Браунинг в мохнатой тряпке.
Две обоймы были. Нет.

Вот панамы. Две сандали.
От семёрки три слона.
Здесь, в коробочке, медали
И, отдельно, ордена.

Сапоги лежат из хрома.
Хром лежит на сапоги.
И икона здесь из дома,
Что исчез среди пурги.

Форма матери. Сапожки.
Много пуговиц. Погон.
Вот от бабушки серёжки.
От прабабушки кулон.

Вот рулончик коленкора.
Шерсти несколько клубков.
Занавеска. Скатерть. Штора.
И в мешочке пять подков.

Шпоры. Мулине и бисер.
Кортик. Как он в дом попал?
От него я так зависел,
Потому что часто брал.

Кожанка. Пальто из драпа.
Ситец. Крепдешин. Сатин.
Тот портрет со следом крапа.
Чей-то древний кринолин.

В сундуке зимой копать —
Ничего прекрасней нет.
Дни бегут, и годы мчатся.
Шестьдесят тому уж лет.

ПУТЬ

В детстве мы носились
Босиком по шишкам.
Дни, как вечность, длились.
Кушали не слишком.

По разбитым стёклам
Пробегали пятки.
По рубашкам блёклым
Расходились латки.

В садинах коленки.
Вечно в цыпках руки.
Чеканы об стенки.
Порванные брюки.

Словно откровенье,
Фильмы шли простые.
В праздник хлеб с вареньем.
Улицы пустые.

Честность без интриги.
Слово, крепче стали.
Мы запоем книги
До утра читали.

Словно сказки, враки.
До соплей купанье.
Игры, битвы, драки.
И любить желанье.

Русло и истоки.
Вкус борьбы и спора.
Первые уроки
Дружбы и позора.

Про войну беседы.
Скрип на венском стуле.
Помнишь всех, кто предал,
Как тебя надули.

Память, слой за слоем,
В дали затянула.
Жажда стать героем
Судьбы повернула.

Кто в тюрьме закрылся,
На куски порвался.
Кто-то шевелился,
Жил, трубил, не сдался.

Шёл с трудом, но твёрдо,
Мусор разгребая.
Смелым был и гордым.
Это жизнь такая.

ХУЛИГАНЫ

Кто такие хулиганы?
Насмотрелся с детства.
Одиночки, группки, кланы.
Для тщеславья средство.

Возле клуба все крутились.
Попадали и садились.
Матерились по злобе.
И окурок на губе.

Всё по фене, по понятию.
Через слово — лексикон.
Нож с наборной рукоятью.
Повседневный враг — мильтон.

Надо ж было так случиться,
С ними мне пришлось учиться.
Восемь нас — всё по уму.
Восемь их — пошли в тюрьму.

Эти слабых не жалели.
Избивали стукачей.
Песни нам блатные пели.
Обожали быт ночей.

Ночью собирали сброд,
Били, грабили народ.
До отключки истязали
И к забору прислоняли.

Меж собою на ножах,
Хоть и рядом жили.
Нам внушить хотели страх.
Только не внушили.

Где солома, Юха, Псих?
В тюрьмах голос их затих.
Колька, что держал общак,
Скучно жил и умер так.

Чем они всегда гордились?
Понт, угрозы, похвальба.
Люди плохо получились.
И не жизнь, и не судьба.

НЕТЕРПЁЖ

Сопровождает нетерпёж
Меня по этой жизни.
Так вырастает в поле рожь,
Чтоб хлебом стать на тризне.

Тогда давно, в детсаде, ждёшь
Горбушку за обедом.
И посчитаться нетерпёж
С нахалистым соседом.

На шее галстук беребя,
Слоняешься без дела.
Чтоб на тебя, лишь на тебя,
Девчонка посмотрела.

Диплом, экзамены, галдёж,
И сердце быстро скачет.
Скорей конец бы, нетерпёж.
А там... вся жизнь иначе.

А жизнь — она, наоборот,
Не гладит и не судит.
И нетерпёж нам каждый год,
А что же дальше будет?

И вот, на склоне бытия,
Как на духу, Отчизне:
«Нет, не хочу проверить я,
Что будет после жизни».

ГРЕЧЕСКИЕ БОГИ

Хаос тёмный, безграничный.
Он источник жизни мира.
Из его утробы личной,
Гея — мощно воспарила.

Гея — грешная земля.
Жизнь дающая, планета.
Бездну низом теребя,
Ослепила небо светом.

Бездна под землёй — Тартар,
С мрачным и бездонным мраком.
Вечный мрак — Эреб. Он стар.
Нюкта — ночь. Под чёрным лаком.

От Эреба и от Нюкты
Появился свет — Эфир.
Так, потом, родятся фрукты,
Если разовьётся мир.

И от Нюкты и Эреба
Светлый день пошёл — Гемера.
Свет для жизни и для хлеба.
День и ночь. Возникла Вера.

Гея небо народила.
Назвала его Уран.
Цветом голубым снабдила
И дождей открыла кран.

Родила она и горы.
Сине море, без конца.
Пресекла навеки споры
О наличии отца.

А Уран? Он воцарился.
Гею взял себе в жену.
И союз их разродился,
Не давая слабину.

Шесть сыночков и шесть дочек.
Океан любил Фетиду.
Тея — дочь, без проволочек,
Спелась с братом, без обиды.

Братик тот, Гиперион,
Солнца стал отцом, Селены.
Был Зарёю награждён,
Что вставала, как из пены.

От Астрея и Эос
Родились все звёзды, ветры.
И пошёл родильный кросс,
Заполняя километры.

ЗАСТОЛЬЕ

Раньше чаще, ныне реже,
Сбор за праздничным столом.
Приготовим и нарежем.
Кто что сможет, принесём.

Повод здесь совсем не важен.
Главное, чтоб всех собрать.
Как хозяин смел, отважен
(Долго после убирать).

Обсуждаются все блюда
Дня четыре, лучше пять.
Кто какую даст посуду.
Должен кто чего забрать.

Принесут кто тарталетки,
Кто прозрачный холодец,
Кто салат, а кто конфетки,
Кто икру и огурец.

Блюдо Главное — какое?
Жарить или припускать?
Мясо в кляре? Заливное?
Может, кур позапекать?

Чтобы всем хватило хлеба.
Чтобы специй арсенал.
Колбасы копчёной где бы?
Кто картошку накопал?

Мужики — те всё про водку,
Про шампанское, вино.
С луком им на стол селёдку.
Остальное — всё равно.

Просто пьеса или драма.
Мысли в кучку собрались.
Но культурная программа
Быть должна, хоть застрелись.

Вот стихи, репризы, сценки.
Вот призы для всех персон.
Вот примочки, сливки, пенки,
Шаржи всем на закусон.

Отслужив свою работу,
Сбросив бабушкам детей,
Словно меч от Ланцелота,
Мы пронзаем мир затей.

Дамы что-то там надели,
Чтоб не так, как в прошлый раз.
Стол забит, как в цитадели.
Что? Едим в последний раз?

Всё попробовать непросто.
Надо выборочно есть.
Освежают пищу тосты.
Их давно уже не счесть.

Разговоры, разговоры.
Кучкой где, когда весь стол.
Под финал затеет споры,
Как всегда, один орёл.

Потерял давно он тему,
И на логику плевать.
Он усвоил теорему:
Выпивая, возражать.

Кто-то что-то обсуждает:
Про наряды, про страну,
Где стреляют, кто страдает,
Как вздымают целину.

Про охоту, про рыбалку
И про воинскую честь.
А ещё: — Косулю жалко,
Но её так вкусно есть.

Про одежду всех знакомых.
Про последний сериал.
Про правителей весомых.
Про какой-нибудь скандал.

И часами это длится,
Потому что завелись.
Не желают расходиться.
Эй, мгновение, продлись!

КАРТА

Я смотрю на карту:
Лысьва, Краснодар.
Черепицы Тарту.
Тракт на Сыктывкар.

Степи Оренбурга.
Мерзлота Дудинки.
Мост Санкт-Петербурга.
Рижские картинки.

Мамонты Якутска,
Скромненький Сибай.
Ангара Иркутска.
Казахстанский край.

Дух самсы Ташкента.
Хлопок Ферганы.
Розы из Чимкента.
Ветры Астаны.

Вина Кишинёва.
Блеск Куры в Тбилиси.
Вобла в Балаково.
Тосты в Кутаиси.

Песни Дилижана
И медведи Брянска.
Запах Еревана
И гудки Луганска.

Таллинн и ликёры.
Шауляйский велик.
Колымы просторы.
Лиепайский берег.

Днепр Могилёва.
Драники из Минска.
Лещ из-под Ростова.
Комары Усинска.

Звёзды Салавата
И плато Нукуса.
Имена — караты,
Говорю со вкусом.

Я во рту катаю
Те слова — названья.
С грустью начинаю
С картой расставаньё.

Мысли жгут такие:
«Чья зевнула пасть?
Ведь была Россия,
А осталась часть».

ПЛОТЫ

Вот уже как сорок лет
Не бегут плоты по Волге.
Плотогонов больше нет,
И плотов не видно долго.

Брёвен длинная кишка
Не вторгается в пейзаж.
Грустно ждут у бережка
Лодки и гирлянды барж.

Шли плоты по вдоль реке,
Продирались сквозь шлюза.
Замирали вдалеке
И мозолили глаза.

Заполняли всю Усу.
К «Лесосплаву» крались.
У плотины. На плесу.
На постое жались.

Плот из брёвен бок о бок,
Плотно сталью свитый.
Шириной, чтоб в шлюз он смог
Влезть по габаритам.

А длиной — под вариант.
Тут кому и сколько.
Плот-мальш и плот-гигант.
Закажите только.

По неделям, месяцам
Плотики стояли.
Здесь раздолье рыбакам.
Все к плотам бежали.

Солнце жарит, греет впрок,
Постоянно, знатно.
Под плотами холодок.
Рыбе так приятно.

Плот седлают рыбаки.
Сыплют в «окна» кашу.
Рыба здесь со всей реки.
И лещи все наши.

В Комсомольске — там язи.
На Усе — подлещик.
Поплавок совсем вблизи,
И вода не плещет.

Кто подсачником берёт,
Кто садок спускает.
Память этих дней живёт
И не отпускает.

СИГАРЫ

Знал я в детстве, что сигары
Курят толстые буржуи.
Взрослым стал и даже старым,
Понял: курят обалдуи.

Пацанами мы крутили,
Как сардельку, листья дуба.
Свои лёгкие коптили.
И ругались хлётско, грубо.

В юности сигары с Кубы
Поставляли в магазины.
Глаз навывлет, сводит зубы.
Будто в рот набили хины.

И впоследствии сомненье
Все сигары вызывали.
Жёсткий дым, без наслажденья.
А рекламы просто вдали.

Сколько и каких ни брал
Я сигар в свой скромный рот,
Понял: это чистый кал.
И курить я бросил. Вот.

УКЛАД

Уклад старинный, ежедневный
У деда с бабушкой в доме.
Лампадка под иконой древней.
Какой-то запах, не пойму.

Тот запах чуточку церковный,
Чуть-чуть от ладана и неги,
От жизни прошлой и огромной,
От сеновала и телеги.

Дышала кухня русской печкой.
В прихожей — царство керогаза.
Удобства во дворе, со свечкой.
И огородик тут же, сразу.

Углём топились и дровами.
Коза и куры. Сеновал.
Колонка рядом. И, местами,
Прогнил забор. В прорехах стал.

За керосином — через утро.
В субботу в баню. Ритуал.
Привычна жизнь. Здесь всё не мутно.
Воскресный звон всех в церковь звал.

Посты, молитвы и просвирки.
А тут неверящий внучок.
И вечерами, у калитки,
Все на крыльцо. Бочок в бочок.

Идут просторные беседы.
Потом все закрывают ставни
И, проводив домой соседа,
Ложатся спать. Подъём-то ранний.

ПАМЯТЬ

Жизнь скакала по ухабам.
Жизнь — она совсем не гладь.
С ветром, снегом, громом, градом.
Не вернуть и не обнять.

То просёлок, то столица.
Те места, где в детстве плыл.
И мелькнут порою лица,
Что давно уже забыл.

Те подушечки в развесе,
Тот в жестянке гуталин,
Та заметка в местной прессе
И пахучий мандарин.

Там с плотов ты рыбу ловишь,
С ним из поджига палишь,
Голубей в костре готовишь
И мечтаешь про Париж.

А грибы на той полянке?
Луки, стрелы и мечи.
И копали мы землянки,
И лечили нас врачи.

Драчунами все мы слыли.
И журила нас родня.
Как на яхтах мы ходили
И в походы, на два дня.

Прятались от нас вороны,
Пропадая без вины.
Пришивали мы погоны,
Что остались от войны.

Башню всем порой сносило.
Обольщали местных дам.
И по жизни нас носило.
И везло по жизни нам.

Пласт из юности и детства —
Самый ценный в мире пласт.
Не отдать его в наследство.
Он фундамент твой и наст.

Кто-то так и потерялся,
А кого-то просто нет.
Коль ты жил и улыбался,
Значит, ты оставил след.

ТАШКЕНТ

Я люблю еду Ташкента,
Плов на улице, самсу.
Часто, для эксперимента,
Вкусное домой несу.

Кисть тугого винограда
Я съедаю под лепёшку.
Дыню, словно бы награду,
Водружаю под окошко.

Подожди до вечерка,
Нету силы есть пока.
А арбузы тут и там,
По пятнадцать килограмм.

На Алайском на базаре
Мне в кису кладут лагман.
К шашлыкам уже позвали,
И арак налит в стакан.

Завтра я на рынок снова,
Чтоб вкусить прелестный плов.
Маргеланской редьке слово.
А манты? Из дивных снов.

Посидев на дастархане,
Намочив усы в стакане,
Переходим плавно к чаю.
Звёзды и закат встречаю.

СИМВОЛ

Город наш стоял малолитражкой,
Среди монстров. Где-то даже скромный.
Полоскался флаг над трёхэтажкой.
А внутри трудился Суд районный.

Орган нужный, важный и опасный.
Стяг на здании подходит точно к месту.
Флаг, конечно, бело-сине-красный,
Как положено страную, по реестру.

Флаг огромный ветром развевался.
Мимо шёл народ, довольно разный.
Подхихкивал народ и улыбался,
Потому что флаг был очень грязный.

Красно-синее в каких-то пятнах.
Белое смотрелось тёмно-серым.
Люди фыркали довольно внятно.
Славы судьям этот флаг не делал.

Плотной грязью полотно дышало.
Может, жизнь его так закоптила?
Средь людей тихонько прошуршало:
«Может, всем нам скинуться на мыло?»

БАГАЖ

Жизнь людей по свету носит
И по миру шевелит.
Приподнимет и забросит
Тех, кто дома не сидит.

С баритонами, басами
Вновь рождается клавир.
Знают все, что чудесами
Переполнен бранный мир.

Успевай везде глазами.
Жизнь вокруг — иконостас.
В голове, как в хрупком храме,
Память. Трепетный запас.

Рощи, площади, соборы.
Перевалы, ледники.
Замки, памятники, горы.
Водопад в конце реки.

Что увидел, то осталось.
Отложилось и живёт.
Ни болезнь и ни усталость
Не сотрёт, не отберёт.

Для примера, для сравнения:
В детстве, первый переезд.
Из тайги и из забвенья
В гущу стройки. Город — крест.

Что за память у двухлетки?
Но стоят в глазах: Курзал,
Лесосплав и две соседки.
В доме заяц. С ним играл.

Впечатлений новых жажда —
Это в детстве, как зараза.
В Оренбурге был я дважды,
А потом в Москве три раза.

Институт — он на кону.
В нём туризм клубился.
Я изъездил всю страну
И в неё влюбился.

В институте голос влил
Я в агитбригаду.
Все деревни изучил
Спереди и с заду.

Молодость, как чистый лист.
Лишь бы длилась дольше.
Послан был, как активист,
В Венгрию и Польшу.

На диплом я в Ленинград.
Кое с кем дружил.
Две недельки в снегопад
В Таллинне прожил.

Весь Кавказ прошёл ногами,
Северный Урал.
Я костров ночное пламя
Где ни зажигал.

Жил в Ташкенте года три.
Вильнюс, Кишинёв.
Запорожье и Гюмри.
Киев. Ялта. Львов.

Вниз по Вишере сплавлился.
На Байкале был, в Иркутске.
В Красном море я купался.
Стыл в Усть-Нере и Якутске.

Был я в Западной Сибири
И в Восточной тоже был.
Видел солнце на Таймыре.
В Аравийском море плыл.

Я стрелял под Ашхабадом.
Ездил с пушками в Иран.
Видел ночи звездопада
В той степи, где Казахстан.

Восхищался в Эмиратах.
Терпко в Турции грустил.
В Теберде я был, в Карпатах,
И в Румынии я был.

Был в Ханты-Мансийском крае,
На Эльбрусе и в Крыму.
Был в Бурятии, в Домбае.
Гладил гжель и хохлому.

Этот опыт посещений
Зацепить, не потерять.
Счастье старых впечатлений
Можно в голове листать.

Множу каждый день на двести.
Жизнь — ажиотаж и раж.
Альманах из путешествий —
Это вечный мой багаж.

ТАМ И ЗДЕСЬ

Солнечного цвета
Юности тела.
На плечах рассвета
Женщина плыла.

Прошлое задето.
Ярко вспыхнул миг.
Где источник света?
В памяти, старик.

Может память — стужа?
Как листва с берёз?
Мучается с мужем
Девочка из грёз?

С кулачок умишки,
Скучные дела.
Образы мальчишки
Жизнь в совок смела.

На ночь тело смело
Отправляем спать.
Сон сверкнёт умело —
И зажмёт кровать.

Жизнь оттрепыхалась
Ласково и в масть.
Мало так осталось,
Может, в этом сласть?

ЛЁТЧИКИ

Конец войне. Пошёл прогресс.
Всегда вперёд смотрел грузин.
На Волге стали строить ГЭС.
Руководил Иван Комзин.

Он — двухметровый генерал,
Влезал во всё, что трогал.
Сам принимал, сам управлял.
Начальник был от Бога.

Каких он лётчиков набрал!
Все асы пилотажа:
Кто воевал, и кто сбивал,
И кто таранил даже.

Тот штурмовик, тот истребитель.
Летали без поддержки.
Спиртного каждый был ценитель.
Война. Свои издержки.

«Кукурузники», АН-2.
В разных вариантах.
Парк неброский. Тут едва
Будешь в аксельбантах.

Но летали, как хотели,
При условиях любых.
Потому что всё умели.
Практик много боевых.

Но чего-то не хватало.
Не играл адреналин.
Им работы было мало.
Мало риска, мокрых спин.

То Дьячков над пароходом
Вдруг закладывал пике.
Падал Сокол над народом
И скрывался вдалеке.

Он, пикируя, сирену
Заводил или включал.
Вместо бомб цветы на сцену
Или палубу бросал.

Страхи от войны остались.
Все на палубу легли.
Неуютно отлежались.
За собой потом смели.

А Самохин, дядя Паша?
Тот любил пугать коров.
Ничего нет в мире краше —
Мчатся в метре от голов.

Надо ж было так случиться:
Три бурёнки, без ветрил,
Перестали вдруг доиться.
Дядя Паша получил.

А ещё пастух ему
Всё, что знает, рассказал.
И про бой в Крыму, в дыму,
И чего-то показал.

Зуев — тот катал детей.
В праздник брал он самых ловких.
В бомболок мы, без затей,
С неба сыпали листовки.

На листовках: «Всем ура!
Слава партии родной!»
Вниз бросала детвора.
Каждый тоже был герой.

Если буря заревёт,
А в Москву, хоть как, но надо,
Вылетает самолёт.
Этим буря не преграда.

А зимою холод прет.
Спирт для техники даётся.
Выпивали, как пойдёт.
Кто там в небе разберётся.

ГЭС построили и тут,
Кто сюда, а кто туда.
Уезжали, где не ждут.
Получалось, навсегда.

Комзину — на Асуан.
Он забрал с собой Дьячкова.
Распадался лёгный клан.
Вот и пенсия готова.

Дядю Пашу я любил.
Орден в орден так и бьётся.
Всё до дома доводил,
Если сильно он напьётся.

Лётчик долго не живёт.
Видно, плохо им без неба.
Ангел в небе им споёт
Или даст краюху хлеба.

ДРУГ ДЕТСТВА

Мишка был из детства друг.
Был драчун и шухарил.
Игр знал — до сотни штук.
И меня курить учил.

Знал он сторожа Егора.
Мы менялись с тем слегка.
Нам за пачку «Беломора» —
Аж две пачки «Огонька».

Мишка верил лишь отцу,
И всегда держал он слово.
Чтобы слёзы по лицу,
Не видал я в нём такого.

Мы с оружием играли,
От войны его довольно.
Плавать в семь мы начинали,
Где-то, может быть, подпольно.

Знали с Мишкой все овраги.
Знали с Мишкой все леса.
Брали шомпол вместо шпаги.
И мечтали — в небеса.

Не боялись мы собак.
Приблатнённых не боялись.
И от тех далёких драк
Шрамы кое-где остались.

Память так и не остыла.
Только Мишки больше нет.
Насовсем машина сбила -
И всего в семнадцать лет.

БАЛЛАДА

Путь Одиссея был из Трои.
Он возвращался на Итаку
От нимфы Калипсо. Не скрою,
Придя домой, затеял драку.

Я возвращался из похода,
Пройдя ногами пол-Урала.
Меня, как древнего урода,
Ангина била и трепала.
Но не в пример Итаке,
Вернулся я без драки.

Связался с Аполлоном Пан.
Дуэль свирели и кифары.
Достался Пану нимфы стан,
А Аполлон ушёл без пары.

И я поспорил про турник,
Что подтянусь на нём раз двадцать.
Четыре, пять, семь раз и... сник.
Мне лучше к стенке прислоняться.
Проспорил, хоть не Аполлону,
Хмельного пива два галлона.

Эсак был сыном у Приама.
За нимфой бегал Гесперией.
И превратился в птицу прямо,
И исхудал от истерии.

Я тоже с детства обалдуй.
За всё на этом свете брался.
Тут хочешь — жни, а хочешь — куй.
Как древний бог, ни с чем остался.
Бегут года и тонут в лету,
А нимф всё не было и нету.

ХОЛОДИЛЬНИК

Предметы детства: автомат,
Фонарик, нож, трюмо, будильник,
Рогатка, ватник, самокат —
И самый первый холодильник.

Он вдруг, по случаю, достался.
От делегации остался,
И продан нам по той цене,
Тогда приемлемой вполне.

«Саратов». Необычный вид.
Как будто шкафчик, но не шкафчик.
Цвет белый. Так к себе манит.
Холодный вечно в нём «мерзавчик».

Сметана, масло, молоко.
В нём колбасу держать легко.
И ягоды, и фрукты,
И прочие продукты.

В нём можно в форме сделать лёд.
Засунуть голову в жару.
Урчит, гремит он и поёт.
Квас только из него беру.

Не наиграться, не остыть.
Его надолго не забыть.
Бьёт неподдельный интерес.
В семье немислимый прогресс.

Создать мороженое в нём:
Такой вот план возник.
Читаем, варим, вверх кладём.
Какой прелестный миг.

На вид — брюле и красота.
На вкус — да просто высота.
Во рту небесно тает.
Хоть сколько ешь. Хватает.

А время скачет, вдаль бежит.
Года уходят в лету.
«Шиваки». «Сименс». «Индезит».
А радости той нету.

ЕСЛИ БЫ

Почему-то очень манит
Позапрошлый, строгий век.
Честь берёт в нём человек.
Век ушёл, вновь не настанет.
Жизнь другое устаканит.
Не пройдёт туда побег.

Или, может, в тот бы случай,
Что у каждого бывает.

Случай жизнь порой меняет.
Этот случай тёмной тучей
По ночам порою мучит
И в душе не исчезает.

Если б было только средство
Бестелесным невидимкой,
Хоть частичкой, хоть пылинкой,
Вновь попасть в просторы детства,
Где всё просто, без кокетства.
Встать за шторкой, за простынкой.

А ещё хочу увидеть
Тех, кого уж нет давно.
Не поднять их — всё равно.
Вдруг я смог их чем обидеть?
Их ухода не предвидеть.
Выпью с ними я вино.

ВЕРТОЛЁТ

Мне лететь на вертолёте
Иностранной марки.
Час с копейками в полёте
От площадки в парке.

На участке «Бергенях»
Россыпь золота в камнях.
Сквозь тайгу туда добраться
Надо очень постараться.

На «Урале», без дорог,
Путь довольно дальний.
То речушки, то порог,
То ледник, то камни.

Чтоб полсуток не трястись,
Лучше небом пронестись.
Четверых берёт в полёт
Иностранный вертолёт.

Два пилота по ранжиру
Разместились впереди.
Позади два пассажира.
Все, кто рядом, — отходи.

Быстро лопасти кружатся,
Заставляя воздух сжаться.
Одеваешь шлемофон,
Говоришь лишь в микрофон.

Пошуршали — и взлетаем,
Наклоняясь чуть вперёд.
Мы Усть-Неру покидаем,
И тайга на нас плывёт.

Разрешенье на полёт
Где-то кто-то нам даёт.
Лишь бы крен не превышал
Да пилот не оплошал.

Наш пилот немолодой,
Чертит небо плавно.
Он полковник боевой —
И совсем недавно.

Горы и тайга. Опушка.
Индибирка под вертушкой.
Не везде согнало лёд,
И под нами он плывёт.

Катер вдоль идёт по речке,
Между льдин петляет.
Видим: рулевой словечки
Злоупотребляет.

Средь тайги вдруг городок.
Тыщ на двадцать. Как бы впрок.
Были раньше рудники,
По периметру пеньки.

Здесь живут пять человек.
Местные. Семейный клан.
А недавно, в прошлый век,
Добывали тут уран.

Двадцать лет подобывали,
Почему-то перестали.
И на круче, среди плит,
Чей-то памятник стоит.

Всё тайга, всё горы, речки.
Вон сохатый средь стволов.
Это всё его местечки,
Это стол его и кров.

Слева, справа, впереди
Видно всё. Сиди гляди.
Видишь то, что под тобой,
И гордишься сам собой.

По приборам, по наводке
Прилетели. В этом суть.
Всё. Под нами разработки
И посёлок. Кончен путь.

КНИГИ

Ах, книги! Ваши корешки,
В шкафу набитом туго, —
Моё богатство и флажки
Начертанного круга.

Люблю я, лёжа, вас читать.
Листая, мыслями летать.
Ночник, часы, подушка.
С остывшим чаем кружка.

Я в детстве книги всем давал.
Всё глаз искал счастливых.
Напрасно я восторга ждал
От злых и нерадивых.

Мешками брали почитать.
Иное дело отдавать.
И уносили книги,
Взамен сплошные фиги.

Представим: гражданин — дерьмо
И мастер на интриги.
Я знаю, в детстве всё равно
Не возвращал он книги.

Директором он может быть.
В науке может сверху плыть.
Блестать, как сольный танец.
А для меня — поганец.

Майн Рид, Катаев, Щипачёв,
Джек Лондон и Есенин.
Дюма и Вася Трубочёв.
Всё в «Юности», всё в «Смене».

Ещё, конечно, про войну.
О тех, кто нам топтал страну.
Про ордена, медали.
Про то, что отстояли.

Читать так вкусно — просто пир.
Затейливо, занятно.
Ныряешь в событийный мир,
В котором всё понятно.

И стыдно было нам дрожать.
Всегда хотелось подражать
Отважным и героям,
Их в книгах толстым слоем.

Нам книг и мудрых, и больших
Досталось и осталось.
Звучал для нас и звёздный стих,
И проза кувыркалась.

Как волны в шторм, летят слова.
Летят туда, где голова.
Нет в этой жизни края,
Поскольку я читаю.

ПОТЕРИ

Всю эту жизнь несём потери.
Друзья. Родные. Те, кто рядом.
Сгорает лес, и гибнут звери.
Мороз суровый. Нету сада.

Друг предал. Мы его теряем.
Теряем девушек, подружек.
Порою города меняем.
И, чтоб забыться, пьём из кружек.

Мы целым классом расстаёмся,
Шагая вместе с аттестатом.
Всю жизнь мы к старости крадёмся,
Теряя молодость и даты.

Теряем вкус. Теряем счастье.
Теряем жён и пониманье.
Какой удар — потеря власти!
И где то первое свиданье?

Потери путь нам освещают.
Шагаем вдаль, порой скользя.
Потери тоже насыщают.
Себя вот потерять нельзя.

НОВЫЙ ГОД ДЕТСТВА

В детстве жизнь под Новый Год —
Праздник и метанье.
Скучной школы антипод.
Тёплое желанье.

Это — добрый Дед Мороз,
Вера втихомолку.

Это — счастье выше доз.
И стихи про ёлку.

Вверх бенгальские огни.
Мандаринов пятна.
Било счастье в эти дни.
Мне б его обратно.

Дед Мороз суров и мил.
Рядом зайчик — это ты.
Вот с подарком ты застыл.
В нём все детские мечты.

Чуть Снегурочка пошлит,
Шибко краски много.
Эта жизнь куда летит?
Не хочу итога.

В детстве просто, хорошо.
Искры, флаги, свечи.
И с подарками мешок.
И снежок на плечи.

МАЙСКИЙ БИЗНЕС

В детстве, в девять-десять лет,
Мы попали все впросак.
В памяти остался след.
Дело было где-то так:

Как на пирсе рыбаки,
Как в корзине лук, чеснок,
В мае майские жуки
Заполняли городок.

Стаи их и одиночки.
В сумерках, над головой.
На ветвях, где пухнут почки.
Над землёй и под тобой.

Крест сказал, тая ухмылку:
«За жуков дают десятку.
Плотно их набей в бутылку.
Сдай в аптеку. Весь в достатке».

Подкалить бутыль на солнце,
Чтоб немножко подвоняли.
Мол, лекарство для японцев
Наши медики создали.

Вечерами городок
Тех жуков ловил, как мог.

И жуки в бутылках тлели
Поплотнее, непременно.
А аптекарши зверели,
Выгоня бизнесмена.

ВРЕМЯ

Кто-то на шезлонг ложится.
Кто-то вставил ногу в стремя.
Этот не достиг и злится.
Прожигаем жизнь и время.

Не вернуть часы, минуты
Счастья, слёз, восторга, горя.
Мчится жизнь, петляя круто.
Полный мрак довольно вскоре.

Не понять, не разобраться:
Где же время так профукал?
Не читать, не пить, не драться?
Не работать, петь без звука?

Время — яркая награда.
В нём творишь, страдаешь, ждёшь.
Получается, как надо.
И живёшь, живёшь, живёшь.

В нём мучительно обидно
Быть в обнимку с подлецом.
Вот за это время стыдно.
Это словно в грязь лицом.

Время в памяти, как книга.
Сладко нам её листать.
Фуги Баха, грёзы Грига.
Дети в ней, отец и мать.

БОЕВАЯ АГИТБРИГАДА

Лагерь летний был «Дубки»,
У разливов речки Сок.
Пионеры-сопляки
Грели на песке живот.

В первых числах сентября
Съехался другой народ —
Активисты, втихаря:
Как бы комсомольский слёт.

В основном, секретари
И ещё функционеры.
Ждут Вас стол и стопари,
Комсомола офицеры.

Мы как лучший коллектив
Самодеятельности Края
Влились на три дня в актив,
Выступая, развлекая.

Только им важнее стол,
А не шутки и репризы.
Пьют. И очень скользкий пол.
Фэйсом бьются об карнизы.

Часто падают с крыльца.
На скамейках стонут пары.
Здесь ошмётки холодца.
Там окурок от сигары.

Вон разбросано бельё.
Тут следы невоздержанья.
Свински выглядит жильё.
И не песни, а оранье.

А студент он есть студент.
Если пьём, то в меру, мало.
Насмотрелись на момент.
И всё это нас достало.

Сверхвысокий секретарь
С кем-то в бане развлекался.
Вот пришла ночная хмарь.
Он, где пил, там и остался.

На руках, без лишних слов,
«Волгу» мы секретаря
Вставили в распор дубов,
Там, где плещется заря.

Видно лишь, когда привстать
Над сиденьем туалета.
Ухитрились расписать
Тех, кто пьян, мы до рассвета.

«Извините, перепил», —
Исписали лоб «зубнушкой».
Ну а дамам: «Я с ней был».
Или: «Пейте водку кружкой».

Утром встали все не сразу.
Долго «Волгу» извлекали.
Тёрли лбы, латали базу.
А под вечер нас прогнали.

Выгоняя, упреждали,
Чтоб язык во рту держали.

ЧТО Я ПИЛ

Помню злато «Солнцедара»,
Отблеск «Плиски» тёмный, редкий.
Помню я «Кавказ» из бара
И к стакану две конфетки.

Помню я «Сучок» сургучный,
Запах коньяка с «клопами»,
Образ «Волжской» очень скучный,
Вид «Колгановской» с «духами».

От «Столичной» лишь высотка.
Есть от «Старки» этикетка.
Вот «Зубровка», просто «Водка».
Вина Крыма очень редки.

Знали мы из них «Улыбку»
И кагор отменной марки.
Очень сладки. Не под рыбку
На скамейке в тёмном парке.

Помню разные настойки
И вино из ягод спелых.
Помню я стакан на стройке
В юных пальцах неумелых.

Помню я пакеты пива,
Даже хоровое пенье.
И зачем всё это было?
Да, похоже, для общенья.

ЕДА ДЕТСТВА

Каша манная с комками.
Пресный вкус её из детства.
Яблоки, что рвал руками
На участках, по соседству.

Чёрный хлеб и сахар слоём,
Чуть с водичкой из-под крана.
Рыбий жир, что пил героем,
Хоть внутри пылала драма.

Сусликов мы выливали,
Сизарей порой ловили.
Потрошили, поедали.
На костре в ведре варили.

А подушечки — конфеты?
Вкус весны и запах рая.
Что-то есть вкуснее где-то?
Я подумал — и не знаю.

А селёdochка из бочки?
С нежной желтизной на брюшке.
Славно съесть её до точки.
От хвоста и до макушки.

А пельмени, а пельмени?
Это праздник наш с тобою.
Пир с подходом, отступленьем.
Их лепили всей семьёю.

А кофейные брикеты?
А брикеттики из чая?
Их мы грызли, как конфеты.
Сорок лет их не встречаю.

Колбаса лишь в выходной.
Мандарины в Новый Год.
Если пир, за слоём слой,
Из тарелки всё в живот.

Поросёнок жил в пристрое.
Раздобрел и лёг под нож.
Есть не смог его. Не скрою.
Он на мясо был. А всё ж.

Там мороженое было.
Там вкуснейший шоколад.
Изобилье привалило.
Почему же я не рад?

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

В пятидесятые года
Мужи носили кепки.
Зачем, в жару? Вот ерунда.
Обязанности крепки.

Хоть тюбетейка, хоть берет —
И шляпа, чуть пореже.
А без убора хода нет.
Как лошадь без манежа.

Носил при форме ученик.
Фуражку с жёлтою эмблемой.
Носил при валенках старик
Ушанку с вытертою темой.

Когда картуз не под рукой,
Газет на шапочку хватало.
Ходили в них и мы с тобой,
И голова чуть отдыхала.

Пилотки от войны остались,
Фуражки даже у кого-то.
На наших головах болтались,
Но мы гордились. Это — что-то.

Все мы панамки презирали.
И были те панамки редки.
Их только дамы надевали
И странный мальчик у соседки.

На ухо кепки и фуражки
И, чтоб был сломан козырёк.
А время из дырявой фляжки
Текло и капало в песок.

А... КАК?

Каждый ярк, каждый штучен.
Каждый — просто эксклюзив.
Будь он худ, стандартен, тучен,
Исполняет свой мотив.

Нас с детсада убеждали
Дуть в единую дуду.
В школе строем расставляли.
Дружным строем. «Не пойду!»

Нас пугали: «Вдруг что скажут?»
Делать правильно вот так.
Дисциплина губы мажет
Миской в клетке для собак.

Нет, не жить, кто как захочет.
Вдруг на воле учудят.
Все сидят, а этот вскочит
И нарушит явный ряд.

Государству станет сложно,
Если этот не как все.
Всем нельзя, а этим можно?
Ишь, скопились на косе.

Но гуляют Робинзоны,
Леонардо и Шекспир,
Эксклюзивный Бог с иконы,
Защитивший этот мир.

НЕУВЯДАЕМЫЙ

Блики старости мешают.
Две коленки заржавели.
Зубы приговор читают.
Есть покой, но он в постели.

Незнакомые морщины
Рассекают, углубляют.
Их не прячет слой щетины,
Лоб они не освежают.

Кулаки уже без скрипа.
Ногти, как у вурдалака.
Молодость седьмого типа.
Позабыл, что значит драка.

Неужели будет хуже?
Старость, не ложись на плечи.
Поживём мы и послужим.
Двадцать лет ещё намечу.

О ЧУВСТВАХ И МЕЧТАХ

ЛЕПЕСТКИ

Лепестки любви порхают.
Их незримый ветер носит.
Вдруг надёжно прилипают
К тем, кто ждёт и кто не просит.

Лепестки любви внедримы.
Вновь летят, куда не знают.
Лепестки, как пилигримы,
В них любовь и радость тают.

Сердце сладко замирает,
Обнимая лепесточек.
Лепесточек прилетает
И ложится на песочек.

Буря, радость и участие,
Ревность, страх, души горенье.
Лепесток любви — ты счастье,
Ты — томленье и терпенье.

Если путь твой скособочен,
А любовь — лишь сон и только,
Значит, ты не очень точен.
До весны, скажите, сколько?

ТРЕТИЙ ПРИЧАЛ

У третьего причала,
В чугунной арматуре,
Звенело и бурчало
Крыло осенней бури.

У третьего причала,
Под злым, порывным ветром,
Тоска дождём плескала
Под шляпу с мокрым фетром.

У третьего причала
В столбах скрипит натужно.
Несётся ветра жало.
Навес давно бы нужно.

У третьего причала
И беды, и напасти,
И фейерверков мало,
И не бушуют страсти.

У третьего причала
То шторм, то волны плавно.
Пусть, осень, ты настала.
Живём! Как это славно!

СЕМЬЯ?

В семье ростки есть холокоста:
Скандалы, ссоры, тарарам.
А присмотреться — очень просто:
Амбиции прекрасных дам.

Для женщины — до ослепленья:
Возглавить всё, всем указать.
Ошибочны иные мнения.
Она и пуп, и флаг, и мать.

Под них порой поступки лупишь,
Когда тропой жены идёшь.
Интеллигентности не купишь.
Мозги так просто не пропьёшь.

Ну почему вдруг дама стала
Всё делать так и только так?
Как будто рельсы без вокзала,
Случился в этой жизни брак.

Презренье увлеченьям мужа.
Желанье, чтоб давал отчёт.
Всё чаще в отношеньях стужа.
Семья — обязанностей свод.

Не так на стол ты локоть ставишь.
Не так сказал и посмотрел.
И, чем ты больше в дом поставишь,
Тем незавидней твой удел.

За что она с тобою бьётся?
Вопрос муссирует народ.
Ну почему ей не живётся?
Который год, который год.

ДАМЫ

Ах, дамы, Вы — больная тема.
Без Вас всё в этом мире пресно.
Вы песня, Вы сонет, поэма.
Но Вам всегда друг с другом тесно.

Ах, дамы, наш восторг примите.
Волнуют Ваши губы снова.
Вы звёзд лучи и солнца нити.
Но ревновать всегда готовы.

Ах, дамы, Вы — источник света.
Как бриллиант, отдельно редки.
Как королевы, Вы одеты.
Не дай Вам Бог, как у соседки.

Ах, дамы, Вы — как сновиденье,
В причёске, стрижке и в косе.
Вы воздух, пламя, воскресенье.
Что знает дама, знают все.

Ах, дамы, Вы объёмно сладки.
А нас так просто ослепить.
И, несмотря на недостатки,
Мы будем вечно Вас любить.

СВЕЧА

Свеча — романтика и проза.
Свеча, ты — пламя среди мрака.
Свеча, ты — резеда, но роза.
Свеча, ты — верная собака.

Ты — луч на клавиши рояля,
Звезда на искренние строки.
Ты — тёплый блеск холодной стали.
Ты — друг сердечный и глубокий.

Свеча, ты часто догорала,
Когда ещё хотелось света.
Вот так и жизнь. Осталось мало.
Пусть мало. Но не всё пропето.

СТИХИ

Живут внутри души стихи.
Пусть не оформились пока.
Пусть не набатны, а тихи,
Не филигранна пусть строка.

Сопровождают нас стихи
Вчера, сегодня и тогда.
Удачи помнят и грехи,
И слово Нет, и слово Да.

Свидетели любви стихи,
Свидетели больших побед.
Пусть юбилейные плохи,
Зато сердечных лучше нет.

Не всем написаны стихи,
Не все с поэзией дружны.
Стихи — высоких чувств мехи.
Кому-то искренне нужны.

ЧУВСТВА

Чувства — это тоже дар.
Будоражат душу чувства.
Это сладостный пожар.
Это тонкое искусство.

Чувства — вы не в головах.
Разум тоже вам помеха.
В сердце вы и на зубах.
А в карьере вы — прореха.

Чувства делают добрей
И бесценный дарят опыт.
Чувства — глубоко согрей.
Чувства — парусные стропы.

Это взлёт под небеса
И любви прекрасной вдох.
Это счастье, чудеса.
Это то, что дай вам Бог.

ДАР

Порыжел закат смущённо,
Тучами насупив бровь.
Звёзды сыпят с небосклона
Незаслуженно любовь.

Бог заранее не скажет:
«Ну-ка, сердце приготовь».
Он внутри тебя размажет
Неожиданно любовь.

Для кого-то было это.
Для кого впервые, вновь.
Не зарплата по секрету,
А прозрачная любовь.

Вся душа живёт глазами.
О любви не многословь.
Остаётся вечно с нами
И горит внутри любовь.

ЛЮБОВЬ

Любовь — на лице эспаньолка.
Любовь — для души эстакада.
Любовь — среди блондинок креолка.
Страданье, обуза, награда.

Любовь — в колеснице возница.
Любовь — среди суставов запястье.
Любовь — это гордая птица.
И горе, и слёзы, и счастье.

Любовь — от безделья кольчуга.
Любовь — это пышущий пончик.
Любовь — это центр, но без круга.
Огонь, небеса, колокольчик.

Любовь — это радуга скачки.
Любовь — это рифма сонета.
Любовь — это жизнь без заначки.
И море, и звёзды, и лето.

Любовь — это враг формуляра.
Любовь — это шрифт эгоиста.
И если любовь — это пара,
Всё солнечно, чисто, лучисто.

КРАСОТА

Я люблю, когда красиво.
Утром розовеют дали.
От плодов согнулась слива.
Клетка вдоль диагонали.

Завиток твой на головке.
Переплёт старинной книги.

Стрекотанье мухоловки.
И улыбка без интриги.

Крым красиво нам достался.
Утром так чудесно море.
Паруса крутого галса.
Виноградник на заборе.

Самовар красив старинный
И пейзажи Левитана.
Выезд экипажа чинный.
Подстаканник от стакана.

Финтифлюшки из барокко
Вкус, когда просвирка тает.
Красота так одинока,
Вековечная, простая.

ЧЕРТЫ

Нежность в нас. Её, в моменты,
Пробуждают сантименты.
А судьбы лихой ячейки
Замерзают на скамейке.
Глупость часто вылезает
(Вот она не замерзает).

Доброта лишь вдалеке
И в укромном уголке.
Сила — та наискосок,
Бьётся молотом в висок.
Самочинство — это свинство
И с тщеславием единство.

Вот рачительность — не тема,
Это скопидомства схема.
Раболепие — химера.
Я б ему сломал карьеру.
Похотливость — это грязь.
Я бы ей сказал: «Вылазь!»

Чёрствость — это как склероз
Или же шипы без роз.
Птицей в небесах — печаль.
Слёзы, дождь, чего-то жаль.
Рыбой плавает обида.
Справедливость — Атлантида.

Огорчение — манерность.
Грех — всегда несоразмерность.
Добросовестность — отрада.
Понимание — награда.
Трудолюбие — подарок.
Героизм, он — очень ярок.

Лень — приятнейшая нега.
Страх — зимою жить без снега.
Вся любовь, в тебе и мимо,
Часто так необъяснима.

Очень важно, в этой жизни,
Преданно служить Отчизне,
Родине, семье и маме.
К Богу приходите сами.

МАДРИГАЛ

Милым дамам посвящаю
Я свой скромный мадригал.
Чуть смущаясь, возвещаю,
Поднимая свой бокал:

Вы наивность, не святая.
Вы нежны, как ветерок.
Как луна, на небе тая,
Солнцем греете Восток.

Вы, как небо с кружевами.
Вы — искристая роса.
Жизни посвящали даме,
Нынче реже голоса.

Вам все птицы в небе рады.
Бог для Вас создал цветы.
Вы же любите наряды —
Усиление красоты.

Нам от Вас родятся дети.
Счастье с Вами вновь и вновь.
Вы — всё лучшее на свете.
Вы — надежда и любовь.

БОЛЕЗНИ

В болезни не только болезнь виновата.
Каждый хворает не так, как другой.
Этот на улицу, тот лишь в палату.
Этот за стрессы, а тот за покой.

Кто сострадание себе вымогает.
Кто-то болезнь постарается скрыть.
И умирает уже, но скрывает.
А антипод всё отдаст, лишь бы жить.

Гриппа с лихвой в этом мире бездонном.
Кто на прививки, а кто на ногах.
Этот болеет со всхлипом, со стоном.
Лечит он сердце, желудок и пах.

Ближе мне тот, кто ложится лишь с книгой.
Ближе мне тот, кто встаёт даже в жар.
Кто осеняет болезнь свою фигой,
Пусть и сгорая, как древний Икар.

Зависть поганая есть среди болезней.
Глупость и жадность сверх головы.
Скромность любого лекарства полезней.
Где-то аскеты и йоги правы.

Как жизнь пройти, в основном не болея?
Путь наш намешан болезнями так.
Нет, не мимоза мы, не орхидея.
Не проживём без болезней никак.

В МОРЕ

Абгалдырь расправил цепь.
Вот крамбол скрипит натужно.
Якорь проверяет крепь.
Комингс обнимает дружно.

Кнехты сбросили концы.
Лоцман врос на полуюте.
Аминги, как молодцы.
И октан без всякой мути.

Весь дедвейт из сотен мест.
И ширстрек вовсю отдраен.
Княвдигед вошел в реестр.
И рангоут устаканен.

Скуловые стрингера,
Как ноктюрны такелажа.
Зюйд! Давно задуть пора.
Где ты, ветер каботажа?

Грот надулся, гюйс воспрял.
Трепыхнулся кливер вяло.
Фок помучился и встал.
В леерах затрепетало.

В люверсах свистит сквозняк.
Бейдевинд прикренил судно.
Пена бьётся в полубак.
Звезды видно очень скудно.

МАТЕРИАЛЬНОЕ И НЕТ

С двух сторон живут два уха.
Их не чувствую совсем.
Носом я сморкаюсь глухо.
Ртом смеюсь, ругаюсь, ем.

С волосами непонятки:
То редеют, то седы.
То рассыпались на прядки.
То намокли от воды.

Зубы с возрастом всё реже.
То страдают, то болят.
Руки, ноги, вроде, те же.
И такой же хитрый взгляд.

Вот живот, вперёд надулся.
Мышцы сбросили лишка.
Лоб морщинами обулся.
Сверху бросили снежка.

Мой диван — привал для тела.
Книги — пища для ума.
Лень по мне гуляет смело.
Лени целые тома.

Но спасают: непосредство,
Любопытство, интерес.
Жизнь для них лишь только средство.
Главное — среди небес.

Правда, там не развернуться.
Места нет для наших тел.
Для чего же души рвутся?
Не пожил — и улетел.

МЕЧТЫ И БУДНИ

Где деньги взять, чтоб не работать?
Как всё объездить, не платя?
Знать языки. По фене ботать.
Стать всех сильнее. Так, шутя.

Башку, чтоб в ней ангары знаний.
Фигуру. Мышцы и анфас.
Закончить бездны начинаний.
Любить красавиц и сейчас.

Играть на сцене лучше Плятта.
Вставлять судьбе большой пистон.
Пусть молодость не будет смята.
Твой лик подходит для икон.

Не в тягость будет пусть работа.
Масштабная, но в день на час.
А если пожелал чего-то —
Того немедленно, сейчас.

Мечты внутри потрепыхались
И разлетелись со двора.
А будни были и остались.
Всё, зарабатывать пора.

АНГЛИЙСКИЙ (ШЕКСПИРОВСКИЙ) СОНЕТ

Прошу судьбу не бить моих друзей.
Молю у грёз воды моим устам.
Хочу из снов и слёз большой музей.
И полки экспонатов, а не хлам.

Теряет память ненависть и злость.
Любовь слабеет, унося восторг.
Но мысль и честь, всегда моя вы трость.
Дела. Мечты. Меж вами вечный торг.

Вчера мы были лучше. А теперь?
Кто ждёт в ночи у жаркого костра?
Листает календарь следы потерь.
И кромка каждого листа остра.

Основы снов и грёз, вы так слабы.
Спасут друзья от зла. А от судьбы?

ПЕТРАРКОВСКИЙ СОНЕТ

Иной заплёл давно себе венок.
В нём мерзких дел цветы строкой горят.
Они не пахнут нежно, а смердят,
Как густо унавоженный сапог.

Стезя кому-то подлым быть. Не смог.
Перетерпел несчастий скорбный ряд.
Он неказист на вид. Простой наряд.
Но светел дом. И чист его порог.

Быть может, всем Всевышний и воздаст.
У каждого свой путь, душа и крест.
Друзья, сомненья и своя беда.

Дела, поступки — это жизни наст.
Слова и память — это манифест.
Всё вместе — для твоих цветов вода.

СПЕНСЕРОВСКИЙ СОNET

Любовь грустна, нежна, как лепесток.
Бездумна, нерасчётлива, слепа.
Она — неразделённых чувств поток.
Но если разделила, то глупа.

Не снег, не дождь. Тяжёлая крупа.
Дворец мечты — или глухой сарай?
На каждой особи любви стопа.
Блаженство. Пламя страсти. Ад и Рай.

Любви слова воздушней птичьих стай.
Они, как вихрь. Обыденность и бал.
За горизонт летят они. За край.
То дышат льдом, то светят, как коралл.

Любовь разносит грустных чувств листки,
И слепо, нежно тают лепестки.

КЛАССИЧЕСКИЙ ФРАНЦУЗСКИЙ СОNET

Награда жизнью брэнной — главный Божий дар.
Чудесно, если страсть по клавишам души пройдёт.
Наш путь земной непрост. И лёд в нём, и пожар.
Страдать и плакать, верить и любить придётся.

Как много не успел? Поймёшь, когда ты стар.
Не до того, пока желанье в сердце бьётся.
Отшельник скучно, мерно жил. Сгорел Икар.
Стоит в пруду вода — иль водопадом льётся?

Планете, может, даже лучше без тебя.
Ты жил на ней, её богатства теребя.
Не лучше тот, кто раньше был, и вы — потомки.

Но всё же Высший Разум, всех людей любя,
Создал нас для чего-то, будто как себя.
Чтоб жили ярко, чтоб поступки были звонки.

КАНОНИЧЕСКИЙ ИТАЛЬЯНСКИЙ СОНЕТ

Достойно в споре выше оказаться.
Не потерять себя в бою и в пикировке.
Любя, так важно сердцем улыбаться,
Целуя нежно венчик на головке.

Но если от предмета оторваться?
Хотя лобзанья были очень ловки.
Что сделано, чтоб в памяти остаться?
Ты не похож на пулю без винтовки?

Так много в этой скорбной жизни правил.
Амур и лидерство всегда нетленны.
Тот на истории свой вечный след поставил,
Кто для других старался. Вдохновенно.
И тех, и этих наш народ прославил.
И лира им поёт, попеременно.

БЛАГОРОДНЫЙ РУССКИЙ СОНЕТ

Привал для воина всегда так прост.
Горилки чарка и трава под дубом.
Могилка в поле — вот он, весь погост.
И редко обелиск, торчащий зубом.

Но память вечная живёт в словах.
Хотя об этом даже не мечталось.
Былинный витязь, наводящий страх.
А был так прост. Вон что в молве смешалось.

Неужто приукрашен скорбный путь?
Как ни хвали, а всё же будет мало.
Поскольку защитила эта грудь

Возможность счастья, твоего привала.
Проникнись, постарайся, не забудь,
Страна чтоб и тебя повспоминала.

ПРАВИЛЬНЫЙ ЯПОНСКИЙ СОНЕТ

Солнце скатилось.
Радостно сны мнут постель.
Но не с тобою.

Не получилось.
Не зазвучала свирель.
Этой весною.

Мир поскользнулся, спеша.
Выпали перья.
Звёзды, лучами кроша,
Хлопнули дверью.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ТРИОЛЕТ

Любовь — супруга многих бед.
От бед спасает сила воли.
Без чувства ты почти раздет.
Любовь — супруга многих бед.
Но сквозь неё струится свет.
Она же — яма в чистом поле.
Любовь — супруга многих бед.
От бед спасает сила воли.

РОНДО

Любовь, ты где-то. Ты частица света.
На белом снеге ты кусочек лета.
Порою пламя буйное страстей.
Способна жить без всяких новостей.
Одним лишь чувством с головой одета.

Ты расточительна, пока не спета.
Ты путы и оковы, вязкий клей.
Избыток звёздных в серебре лучей.
Любовь, ты где-то.

Вдруг исхудала. Осени примета.
Большой антракт — и вот, финал балета.
Ещё цела, но как бы из частей.
И тело есть, но только без костей.
Лишь памятью до тризны ты согрета.
Любовь, ты где-то.

РОНДЕЛЬ

Я не прошёл пока свой путь
И не узнал ещё так много.
С ухабами была дорога.
Но это не меняет суть.

И чистота плыла, и муть.
Ласкала жизнь и била строго.
Я не прошёл пока свой путь
И не узнал ещё так много.

Не вешал ордена на грудь.
Любимых чтил и реже Бога.
Хромает старость у порога.

Что не успел, не обессудь.
Я не прошёл пока свой путь.

ОКТАВА

Как правда ослепительно скучна!
Её бы разукрасить и расцветить.
Преобразите былль. Теперь она сочна.
О ней болтают взрослые и дети.
И сказка эта стала так прочна,
Что и потомкам нашим ярко светит.
Пусть все приврали. Разве в этом суть?
Основу чти и правду не забудь.

СЕПТЕТ С КОРОЛЕВСКОЙ СТРОФОЙ

Возможно, в детстве было славно?
И гроздьё счастья, как на блюде?
И замечательные люди
Сменялись, друг за другом, плавно.
Давно всё было и недавно.
«А как вам зрелость? Лучше даже», —
На небесах нам кто-то скажет.

ИСПАНСКАЯ ДЕЦИМА

Мчится ручей из событий.
Мудрость отдельна от злата.
Лира соперница мата.
Мысли из солнечных нитей.
С подлости шкуру сорвите,
Чтобы в слезах отмочилась,
Чтоб с ней кончина случилась.
Чтобы в потоке примчалось
Счастье и всем улыбалось.
Боженька! Сделай нам милость.

НОНА

Кто одинок, тот мыслью полон,
Но не комфортно без друзей.
Хлеб на столе, на вкус не солон.
И вексель брошен, без рублей.
Слёз не пролить, не опереться.
Ты — соло, и тебе не спеться.
Любовь промчится, как досуг,
Затронув горько струны сердца,
Накрыв туманом слово «друг».

ВИЛАНЕЛЬ

Как меня ты поразила.
Это было так давно.
Ты собою свет затмила.

Я бумага, ты чернила,
Что напишешь, всё равно.
Как меня ты поразила.

Ты с меня осадок смыла,
Им всегда грешит вино.
Ты собою свет затмила.

Ты, что есть, и то, что было,
Всё, что в жизни решено.
Как меня ты поразила.

Ты плыла, горела, стыла,
С небом звёздным заодно.
Ты собою свет затмила.

Нежность, слабость ты и сила,
Ты музейное панно.
Как меня ты поразила.
Ты собою свет затмила.

ГАЗЕЛЬ

Я скромный автор, ты — Луна,
Как я, всегда ты не одна.

Я скрыт шеренгой мощных спин,
А ты средь звёзд всегда видна.

Я из толпы тобой люблююсь.
Для этого ты создана.

Рассердишься — уйдёшь за тучи,
А выйдешь — как бокал вина.

Твой блеск лежит на лапах ели,
На море, на ушах слона.

Ты утешительно сердечна
И глубока. Не видно дна.

СТАРИННОЕ РУБАИ

Кто научил печь хлеб, выращивать зерно?
Неважно, рожь, ячмень, пшеницу — все равно.
Зажег любви пожар? Вложил кто в руки чашу?
Но хлеб горячий нам важнее, чем вино.

СУФИЙСКОЕ РУБАИ

Земля растит еду. Прикрыла черепа.
Добра она к одним, к другим чуть-чуть скупа.
Простор обжили мы. Леса, моря без края.
Живи и радуйся. Но вглубь ведет тропа.

ФИЛОСОФСКОЕ РУБАИ

Ах, думы в голове! Какой у них венец?
Что сбудется, что нет? А может, мысль — беглец?
Пусть не свершится все, да вряд ли и возможно.
Гордись при жизни тем, что ты внутри мудрец.

ХАЙКУ

На голову мне,
Чтоб не думал о вечном,
Упал с крыши снег.

ТАНКА

О, пробужденье...
Я спутал тебя с весной.
В снах ждет виденье.
Проснулся, а сны со мной.
Молчу, как отраженье.

ЧУТЬ-ЧУТЬ ЗАМЫСЛОВАТОЕ

ЧТО-ТО

Польхнуло стразом
Вдоль по сентябрю.
Выпадает база
По календарю.

Глянцевой тартильей
Западает высь.
Небо над Севильей
Почему-то в слизь.

Губы и талрепы,
Как бельгийский флаг,
Страшны и нелепы
Среди высших благ.

Терпкий дух царизма
Разорвал эфир.
Коммунизма клизму
Подхватил эмир.

Ряженных казаков
И цыган десанты
Над тарелкой раков,
Вспомнят музыканты.

Треснула арена
От восторга встречи.
Задохнулась сцена
И легла на плечи.

Тают снегоступы,
Надувая щёки,
И хрустят шурупы
В петербургском доке.

Творожок зернистый
Чайкою взлетает.
Офицер лучистый
Под забором тает.

Самураев банда
Рада променаду.
Намочила панда
Двери и ограду.

Каламбур желаний,
Неодетый с виду,
Льёт каскад рыданий,
Затаив обиду.

Но хохочет пончик,
Бьётся коромыслом.
Как бы всё закончить?
Хоть с каким-то смыслом?

ОБЫДЕННОСТЬ

Бросовым агатом,
В середине тени,
Грустно, с полуматом,
Дни бегут от лени.

Зубы и подножки.
Ненависть и глупость.
Кто-то брал в подружки
Этот мрак и тупость.

Ноль сидит в коробке,
Как гадюка в банке.
Достаются пробке
От вина останки.

Лишь бы этикетку,
Злато на сберкнижку,
Да дворянства метку,
Евро и манишку.

Крупные брильянты.
Изумруды в груды.
Где же вы, таланты?
Нет. Но есть причуды.

Дряни шлейф непрочен.
Люди для забавы.
Мозг дурным всклокочен
И желаньем славы.

Фейерверк восторга.
Восхищенья взлёты.
Но за стенкой морга
Не нужны полеты.

Наблюдатель спросит.
Кто, как жил, ответит.
Ветер злобу носит.
Солнце добрым светит.

ЛЫСИНА

В детстве лысый вызывает
Сквозь смущенье удивленье.
Глаз с годами привыкает.
Остаётся опасенье.

Вдруг внезапно волос стает —
И в расцвете лет мужских
Голова плешивой станет.
А гарантий никаких.

Ходишь — волосы врзлёт.
Тут кому как повезёт.

НЕ СУЕТИСЬ

Откусивши помидор
Над тарелкой шашлыка,
Позабыв про мелкий вздор,
Всем так хочется слегка:

Не корячиться от власти.
Верить в лучшее. Мечтать.
Петь от радости и счастья.
Мыслить, плавать и летать.

Зависть прочь. Читаем книги.
Помним заповедь отцов.
Будем выше, чем интриги
Прихлебателей-глупцов.

Не корячимся от власти.
Верим, что недолго ждать.
Бодро вдаль, через ненастье.
Мыслим, учимся летать.

Жизнь мелькает с интересом.
День за днём — не череда.
Не дави соседа весом
И шепчи себе всегда:

Я не слёг под грузом власти.
Верил, думал и мечтал.
Пел от радости и счастья.
Мыслил, плавал и летал.

Раздвигаются просторы.
Исполняются мечты.
Море, солнце, лес и горы
В этой жизни видел ты.

Не раздавлен силой власти.
Верил. Если надо, ждал.
Видел радость. Видел счастье.
Мыслил. Плавал и летал.

МОКРЯДЬ

Мокрядь — это сырость,
Чуть дождливая погода.
Чуть неясность, чуть немилость
И волнения народа.

Мокрядь — не лучи, а блики.
Мокрядь — на паласе лужа.
Мокрядь — дурень полудикий.
Мокрядь — не тепло, не стужа.

Это за столом брюзжанье.
Это стариков лечение.
Мокрядь — полунаказанье.
Не любовь, а увлечение.

Мокрядь — троечник лентяйный.
На душе двойная дверца.
И поступок тот, случайный.
Мокрядь — дама мимо сердца.

ВСЯКО

Сложно мне бывает
Дурню объяснить.
Вроде понимает,
Но теряет нить.

Хилых мыслей — малость,
В очень скромный бункер.
Лишь бы подчинялись.
Лишь бы все по струнке.

Юмор, между прочим,
Нужен без затей.
Прост был чтобы очень
И посолоней.

Жить для организма.
Брать, и брать, и брать.

Гордость дебилизма —
Только спать и жрать.

Ильфа и Петрова
Не понять им сроду.
Им живое слово,
Как об пень колоду.

А изгиб сонета?
Вкус от строчек Гёте?
«Ничего в них нету.
Скучно отчего-то».

Звёзды Занзибара?
Отмели Норд-Фолка?
«Нам они не пара.
Много ли в них толка?»

Есть ли сейм у Польши?
Где у яхты кливер?
«Денег бы побольше.
Не болел бы ливер».

Книги все читали.
Все учились в школе.
Освежает дали
Ветер в чистом поле.

Как бы было вкусно
Быть мудрей, культурней.
Но порою грустно,
Видя столько дурней.

ПОЛУЭЛЕГИЯ

Котангенс косяков — печаль.
Змея зобастая — разлука.
Полуоторванный сандаль,
Порою тоже где-то скука.

На слёзы действует луна,
А грим со временем линяет.
И лишь спина, одна спина,
Нас в этой жизни выпрямляет.

Пушисто проникает грусть
Дождём в твои конгломераты.
Рудиментарно это. Пусть.
Ещё пока надёжны скаты.

Шашлык души — не шарият.
Шатёр видений — не шаман.
Эпикурейство — не набат.
И эпилог не есть обман.

В страданиях каждый — ювелир.
А в ликовании — позёр.
Ядрёный мир — вот наш кумир,
И редко кто в нём волонтер.

ЭЛЕГИЯ

Жизнь чувства все размежевала.
Любви конструкция в заплатах.
Где нагнетание накала?
И память путается в датах.

Уходит мысль порой в забвенье.
Пропитано бывшее снами.
Давно забыто воскресенье.
А понедельник вечно с нами.

Грусть так приятна, одинока,
А юмор как-то зависает.
И солнце вроде не с востока,
И снег весной так быстро тает.

Целителен запор для двери.
Щетинюшь мыслями делиться.
Кладу в коллекцию потери
И не приемлю просто ситца.

Схоластика в душе без храма.
Хрупки поступки, керамичны.
Вся жизнь — капризнейшая дама.
Я выпорол её бы. Лично.

СУТКИ

Время под утро. Противно темно.
Лес еле-еле читается.
Будто из чёрной бутылки вино,
Искрами свет появляется.

Солнце ещё где-то там, глубоко,
Только вдруг луч пробился.
Тьму раздвигая, легко, нелегко,
Взял человек и родился.

Ну наконец-то солнце взошло.
Счастье колышет природу.
Детство захлёб, бездумно, пошло.
Драйв, несмотря на погоду.

Утро в разгаре и детство бежит.
Сказочно мир улыбается.
День уже рядом, за школой лежит.
Ступишь — и детство кончается.

День будет ясный, а, может, с дождём,
С вьюгой, тайфуном, грозой.
Сто вариантов. Но солнца мы ждём.
Славы и счастья. Покоя.

День очень длинный. Но как посмотреть.
Может безумно промчаться.
Можно бороться, стремиться, гореть.
Можно весь день проболтаться.

День, он решит: кто достиг, не достиг.
Кто всё забыл ради денег.
Мало кто смысл этой жизни постиг.
Много кто встал на колени.

День на финале — он тот же итог.
Редко кому улыбается.
И понимаешь: что смог, что не смог,
Вечером не исправляется.

Вечер придёт, но уже не для всех.
Он неудобный, голодный.
День за спиною. Работа, успех.
Память. Костюм старомодный.

С каждой минутой темнеет быстрее.
Тело, как память, слабеет.
Нет уже многих надёжных друзей.
Ночью и холодом веет.

Эта ночь так черна. Только солнце встает.
Слушай, ночь, как тебе ни стараться,
Не сожрать тебе жизни высокий полёт.
Утром новые дети родятся.

«А»

Априори арбалет,
Адресованный акуле,
Адаптирует атлет,
Агрессируя в ауле.

Абордаж — авантюризм,
Аварийная антенна,
Авангардный атеизм,
Адьюнктурная арена.

Автогенщику — анод.
Аверс — азбуки акценты.
Ангел — аду антипод.
Аки — армяка агенты.

Авантюрна акварель.
Амальгамна антуражем.
Аэробен Ариэль.
Адвокаты арбитражем.

Атрибутен автоас.
Амулетна аркебуза.
Астраханский ананас —
Абсистенция арбуза.

Аварийный авиатор —
Аноним агломерата.
Авантажный аллигатор,
Аметистовой агата.

Абонентный абразив
Агрессивней агронома.
Антиядерный актив
Асинхронней астронома.

ПОЛЫХНЁМ

Хазары, готы, гунны.
Болид, метеорит.
Уланы и драгуны.
Ну кто их различит?

Пуанты, кнехты, кирха
Известны, хоть не всем.
Топор, носилки, кирка
Нам ближе. Без проблем.

Втроем собрались люди
Принять по двести грамм.
Закусят и обсудят
Сцепление и кардан.

Две бабушки на лавке
Оближут сериал.
Собачки-шмакодявки
В песок заруют кал.

Пришли из школы дети.
Кусок перехватив,
Исчезли в интернете.
Такой вот лейтмотив.

В сети засели глухо,
Как боевик в засаду.
А если дать по уху?
Или ремнём по заду?

И телевизор не включать.
Заставить вшить заплатку.
Дать на ночь книгу почитать.
Вложить в карман рогатку.

А где-то бродят тигры,
Цветёт природа-мать.
Пропали с улиц игры,
В них некому играть.

Нас не сожрут интриги.
В Руси не тот замес.
Когда-то к нашей книге
Вернётся интерес.

Ступеньками, не сразу,
Читать, любить, мечтать.
Мы выведем заразу.
В болото стелем гать.

Сломаем все преграды.
Сплотимся, польхнём.
Поговорить бы надо.
О жизни. Обо всём.

ХЕЛЛОУИН

Утопленник крысу рисует.
У ведьмы на картах гаданье.
Паук с тыквой мрачно танцует.
И сыплются в мир предсказанья.

Вампир раскусил таракана.
Клопы торжествуют победу.
Кто утром проснулся не рано,
Тому не дожить до обеда.

Чудовища, черти, колдуньи.
Слова, словно мыши, из пасти:
«Когда на дворе полнолуние —
Тогда повсеместное счастье».

Скелет, водяной и бесёнок
Икнули, а кот подавился.
Ушами захлопал ребёнок,
Что в пятницу взял и родился.

А висельник брякнул: «Тринадцать!
Чтоб было тринадцать дней в месяце.
Иначе всю жизнь кувыряться.
В пятнадцатый день всех повесят!»

Пел череп, играя на банджо.
И брякали рёбра скелета.
Всё лучшее — цвета оранжа!
Всё лучшее — чёрного цвета!

Гуляла нечистая сила.
Кикиморы кричали с кочек.
Как весело, страшно и мило
В последний октябрьский денёчек.

НОМЕР

Язык наш русский, без сомнений,
Имеет множество значений.

Вот номер — вроде бы число
И знак автомобилей.
Когда в вояж вас понесло,
В билет его забили.

Есть номер, вроде бы предмет:
Как номер у журнала.
Размер одежды той, что нет.
Ваш номер? Их так мало.

Ваш номер в бане и в строю,
И полка поездная.
Концертный номер пропою.
И номер отыграю.

Сосед мой номер отколол.
Есть также номер — бляха.
Шестым он номером пошёл
К орудию, без страха.

Ещё маячит вдалеке
Концлагерь. Номер на руке.

ТЫ И МЫ

Ты — как в пустыне дуновенье.
Ты — красоты изгиб, до слёз.
Ты — как из бездны вдохновенье.
Ты — как для тонущего плёс.

Ты — всех страстей импровизатор.
Ты — доверительный хитрец.
Ты — чудных мыслей махинатор.
Ты — вечно внутренний жилец.

Ты — протестант моих привычек.
Ты — на рассвете целина.
Ты — знак вопроса, без кавычек.
Ты — для меня всегда одна.

Я — твой фанат и не фальшивка.
Я — твой надёжный баритон.
Седло твоё я, у загровка.
Твоя броня, а не картон.

Мы — лишь секунда мироздания.
Бессчётных персонажей смена.
И если Бог, как мы, — создание,
То мир весь этот — наша сцена.

НАДО БЫ

Я насыпал мысли впрок
На семейной посиделке.
Стало плотно, где порог,
Хоть, как раки, мысли мелки.

Пропасть я закрыл делами,
А пространство толщей книг.
Но, с устами и с перстами,
В зеркалах стоит старик.

И не хохот, а улыбка.
И не плач, а скорбный рот.
Выхухоль в воде — не рыбка.
Винокурня — не завод.

И слова не в такт юннатам.
Лоб, как лист календаря.
Либералов крою матом.
Весь внутри я за царя.

Есть рыбалка, есть охота.
Телевизор с ерундой.
Только грустно отчего-то.
Сон уже не молодой.

Всяческих продуктов бездна.
Завалил страну текстиль.
С дефицитом жить полезно.
Молодость ушла в утиль.

Отрицая всю духовность,
Нам не дело потреблять.
Проявляя чаще скромность,
Мыслить надо, верить, ждать.

СМЕЛЕЕ

Ручка. Бумага. Компьютер. Стихи.
Мысли. Сравнения. Рифмы. Октавы.
Строфы корявы. Размеры плохи.
Дактиль не к месту. Верлибр для забавы.

Также и в жизни. Сплошной раскардаш.
Хочется вверх, получается к низу.
Вроде заточен уже карандаш.
Всплеск — и сползаешь к земле по карнизу.

Что-то любовь от испуга шалит.
Счёт накопления тает и тает.
Наша судьба — это сверхинвалид.
Хочет взлететь, но ползком не летает.

Можно зубами в постели скрипеть.
Можно брюзжать, слёзы лить и канючить.
Лучше собраться, изрядно вспотеть -
И развернуть случай дланью могучей.

Морду начистить судьбе, от души.
Коль не сдаётся, пиннуть посильнее.
А дальше, товарищ, побольше паши.
Дни заискрят и пойдут веселее.

ПУСТЫЕ ОБЕЩАНИЯ

Обязательность обета —
Постулат всей жизни строгой.
Если слово дал ты где-то,
Исполняй рукой убогой.

Посулил и сам поверил.
А потом бочком, в сторонку.
Ложью сам себе отмерил
Горсть навоза на иконку.

Так обидно, коль наврали.
Вдрызг свои меняешь планы.

Будто что-то оторвали
И не затянулись раны.

Уважение пропало,
А брезгливость поселилась.
Вроде был он, а не стало.
Словно в щёлку мышь забилась.

РАЗНЫЕ ЗАНЯТИЯ

СЦЕНА

Греет и слепит софит.
Пыльной сцены доски.
Был в кулисы будто влит.
Вышел на подмостки.

Если вышел — оправдай.
Прояви способности.
Весь, хоть вывернись, — играй,
Раскрывай подробности.

Перед сценой свою роль
Разложи на косточки.
Цели, мысли, планы, боль
Распиши до досточки.

Покатай во рту слова.
К ним создай картину:
Где качнётся голова,
Где ты сгорбишь спину.

Где форсируешь ты звук,
Где остановиться.
Где слеза возникнет вдруг.
И не то-ро-пить-ся.

Монотонна в жизни страсть.
Это не для сцены.
Жизнь такую вскрыет масть,
Вспомни, непременно.

В каждой фразе этот миг
Должен отражаться.
Коль на сцене ты возник,
Ты пришёл сражаться.

Чтоб у зрителя в груди
Сердце стало биться,
Поражай и заводи —
И не то-ро-пить-ся.

Проговаривай слова.
Окончанья чётко.
Плавно ходит голова.
Не дави на глотку.

Слово смачно обсоси,
Чтоб словам не слиться.
Тело в воздухе неси —
И не то-ро-пить-ся.

На партнёра поиграй.
Воздух дай партнёру.
Если надо, помогай,
Без обид, без вздору.

Выходя, про персонаж
Знай всю информацию.
И пусти весь свой кураж
Ты в импровизацию.

Прочь гордычество и дым,
Нет излишней краске,
Нет, сценический зажим,
Нет соплям и тряске.

Постороннее забудь,
Чтоб с героем слиться.
Только им одним и будь —
И не то-ро-пить-ся.

Всё! Выходишь. Зритель. Зал.
Сцена. Одиночество.
Что? Триумф или провал?
Лажа или творчество?

ИСПОВЕДЬ БОМЖА

Вверх, добротню шла карьера.
Труд, признание и успех.
Крах в стране. Исчезла вера.
— Как живёшь?
— Да лучше всех!

Вся квартира, как палатка.
Оплешивел ценный мех.
Жить не сладко без достатка.
— Как живёшь?
— Да лучше всех!

Как прожить, безбедно чтобы?
Вспоминая чистый смех?
Без обиды и без злобы?
— Как живёшь?
— Да лучше всех!

Или внуки, или дети.
Как помочь им без прорех?
Как решить вопросы эти?
— Как живёшь?
— Да лучше всех!

Не запить проблему горькой,
Самой мрачной из утех.
Та вина на Мишке с Борькой.
— Как живёшь?
— Да лучше всех!

Воровать нас не учили.
Нахватался, без помех.
Наплевали. Не лечили.
— Как живёшь?
— Да лучше всех!

Мёрзнут руки и колени.
Жизнь моя — сплошной огрех.
Вниз давно стучат ступени.
— Как живёшь?
— Да лучше всех!

Жизнь порой совсем собачья.
Да и я, как вшивый цех.
Вдаль бреду себе и плачу.
— Как живёшь?
— Да лучше всех!

ЛИРИКА НАЗВАНИЙ

У поселений имена
Душевные, симпатичны.
Они, как в поле семена.
Названья их лиричны.

Вот Россошь — мелкий городок.
Живут в нём росошанцы.
Степей и Дона ветерок,
И звёзд по небу танцы.

Название есть — Гороховец.
Смесь грома и гороха.
Стоит на Клязьме Городец.
Живут в нём — и неплохо.

А есть посёлок Родничок
В районе Балашова.
Ручей прозрачный и сверчок,
И избы без засова.

Есть на Юдоме — Огонёк,
Он от Якутска к югу.
Улус на север — Оленёк,
Здесь три сезона вьюга.

Козловка, Кемь и Шумячи.
Судак, теплом согретый.
Названья — это кирпичи
Моей страны и света.

ЗЕФИР

У древних греков — это ветер,
Подувший с запада в лицо.
Летит зефир, как быстрый сеттер,
Засыпав листьями крыльцо.

Зефир в поэзии: приятный,
Забавный, лёгкий, как пушок,
Весь элегантный и опрятный,
Нежнейший, тёплый ветерок.

Зефиром хлопковую ткань
Зовут. Годится на рубашку.
Годится на простынки бань.
На флаг, чтобы давать отмашку.

Зефир, конечно, пастила.
Коль приготовлен он искусно,
Поверхность розово-бела.
И есть зефир довольно вкусно.

Зефир — пирожное такое.
Готовится на взбитых сливках.
Вот слово ёмкое какое.
Как не запутаться в ошибках.

ЗАРИСОВКИ

Натюрморт из битой дичи.
Не шедевр, но и не кич.
Он не сможет возвеличить
Ни художника, ни дичь.

Рядом мёртвая природа:
В увядании цветы
И остаток бутерброда.
Не шедевры красоты.

На закате фрукты в вазе.
Тень на каменном столе.

И остатки безобразий
Непогоды на скале.

Рыба дохлая, бутылка.
Нож нечистый и башмак.
Зеленеют два обмылка.
Нет, чего-то здесь не так.

Свет струится по головке.
Рядом носа зависанье.
Кто-то сбросил зарисовки
От уроков рисованья.

СЕЛО

Когда не в городе бываю,
Встречаю исподлобья взгляд.
Когда к колодцу припадаю,
Полугрущу и полуград.

Лопух на сочном чернозёме.
Гусей по улице строка.
Старик с клюкою в полудрёме.
Девчонка с банкой молока.

Свинья, копчёная от грязи.
В тени два вечных алкаша.
Сатино-ситцевые бязи.
И люди в робах, без гроша.

Из веток переплёт ограды.
Картошка, тыквы, лук, изба.
Здесь не пробиться в снегопады.
Здесь знают все, что жизнь — борьба.

Здесь вечера тягучи, сладки.
Кто дотемна уже заснул.
Кто зарабатывает бабки,
А кто рукой на всё махнул.

От тины убегает речка.
На лавку вывернут тулуп.
Блинами истекает печка.
Густой дымится в миске суп.

Лучок зелёный, соли плошка.
Хлеб, испечённый на поду.
Облокотились на окошко
Портреты всех, кто был в роду.

Рассохлась лодка, изнасилась.
За банькой покривился клён.
Давно скамейка развалилась,
На ней сидели, кто влюблён.

Надела валенки старушка.
Не греют солнце и июль.
Ведро с водой, а сверху кружка
Стоят в сенях. Здесь вестибюль.

Огромны руки и шершавы.
Пробили вены кожу ног.
Старушки тоже часть Державы.
В селе не каждый выжить смог.

Рыбалка рядом и охота.
Встают пейзажи на крыло.
Селяне живы здесь работой,
Чтоб не загнулось всё село.

ВЛАСТЬ

Всех людей меняет власть.
Ей нельзя наесться всласть.
Коль в душе тщеславья часть,
Эта часть меняет масть.

Был ты добрый и с душой,
Но свалился пост большой.
Был прямым, а стал левшой,
По-восточному, Пашой.

Так легла карьеры карта,
Как букет к Восьмому Марта.
Горы благ и счастья кварта.
От других отдельно парта.

В поднебесье ты летаешь,
Многих и не замечаешь.
От похвал тихонько таешь.
В мецената чуть играешь.

Улыбаешься привычно.
И общаешься этично.
Выглядишь вполне столично.
Поздравляешь высших лично.

День расписан до предела.
Говоришь, что надо, смело.
Управляешь всем умело.
И срываешь, что поспело.

Люди дальше, с каждым днём.
Но полны глаза огнём.
Страстной речью всех зажжём.
Не поморщившись, соврём.

Для каких высоких благ
Надо жить примерно так?
Да, хоромы — не барак.
Значит, прошлое в овраг?

Ветром голову остудит,
Хоть не в этой жизни будет.
А пока пускай паскудит.
Кто положено, рассудит.

ЦЕЛЬ

Все мы в разных мирах
И по-своему радость.
Только в тайных мечтах
Есть надежда и сладость.

Жизнь по каждому бьёт.
Пульс длиннее, короче.
Кто гнездовье совьёт,
Кто совьёт, но не очень.

Каждый мысленно ждёт,
Что его все оценят.
Вот волшебник придёт,
В жизни всё переменит.

И никто, кто поёт,
Помогать не желает.
Жизнь пока не пройдёт,
Каждый соло играет.

Кто-то рвётся вперёд,
Закусивши мечту,
Разбиваясь об лёд,
Он берёт высоту.

Тот сказал: «Не по мне,
Затрудняюсь идти», —
И сгорает в огне,
В середине пути.

Ну а кто-то дошёл,
Без особых идей.
Много денег нашёл,
Но топтал он людей.

Кто-то жил не любя.
Сам себя выбирал.
Награждал сам себя
И в соседа плевал.

Как ни жить, всё равно,
Ты поменьше пищи.
Есть поганое дно.
Рая нет. Не ищи.

Что-то выше всех благ,
Постарайся найти,
Чтоб маячил тот стяг
У тебя на пути.

ЛИХТЕР

Лихтер — это судно, вроде,
Но без дизеля, мотора.
Как баржа, в прицепе ходит.
Повинуется без спора.

Так политик, с виду важный.
Речи льются, глаз горячий.
А по сути, сверхпродажный.
Без инструкций — неходячий.

Если пара влюблена,
В чувстве кто-то да вожак.
Ходит лихтером она.
Если он, то это — брак.

У блатных вожак — пахан,
А пехота — лихтера.
Только впереди капкан.
Проба пули и пера.

Лихтером бывают дети.
Да и взрослым по плечу.
Много лихтеров на свете.
Только я вот не хочу.

АКВАРЕЛЬ

Слово-то какое? Паспарту!
Кисточкой рисую я свою мечту.

Можно было с книжкой
Брякнуться в постель.
Это будет слишком,
Сел за акварель.

Кисточки, водичка,
Твёрдый карандаш.
Намечаю птичку
И крутой пейзаж.

Растворилось небо
В солнечных лучах.
Съел я ломтик хлеба
С салом и зачах.

Но усилием воли
Краску захватил.
Не художник, что ли?
Облако вlepил.

Рисовал я блики
На вершинах гор.
Край суровый, дикий,
Замок и забор.

В беленьких барашках,
Волны чередой.
Пташки и монашки,
Пилигрим седой.

Паруса над морем.
Пальма, капитан.
Кони на просторе.
Жертвенный баран.

В поле гнутся травы.
Вьётся тракта нить
И закат кровавый.
Как всё разместить?

Выпрямляю спину
И съедаю блин.
В клочья рву картину.
Будет семь картин.

РЕМОНТ

Нет покоя, эстетизма.
У жены гордыня, понт.
Над душой маячит клизма.
Надвигается ремонт.

А супруга всё порхает.
Вариантов бурный ряд.
Что-то мыслит и считает.
И глаза её горят.

Сделан выбор. Есть нюансы.
Птица Феникс из огня.
В небесах маячат шансы,
Что получится фигня.

К свежим стенам мебель надо.
Чтоб хотелось в доме петь.
Завершить до листопада.
Окончательно успеть.

Мастер выдал откровенно,
Оглядевшись там и тут:
«Почему кривые стены?
Пол ваще так не кладут».

Почесался спозаранку
И продолжил хитрый спич:
«Не туда прибита дранка
И не так лежит кирпич.

Я, хозяйева, расстроен.
Здесь сломаешь восемь пил.
Дом неправильно построен.
Я бы в нём ваще не жил.

Ну а вам куды деваться?
Не в полях на целине.
За ремонт придётся взяться.
По удвоенной цене».

О, ремонт, ты — приключенье.
Полный ужас для кота.
Ты — мытьё, без воскресенья.
Ты — бедлам и суета.

Ты — покупки и тасканье.
Важный выбор здесь и там.
Пылегрязеналипанье.
О, ремонт, ты — нервы в хлам.

Не пройти, не повернуться.
Мастер! Брат! Не навреди!
Как бы сделать, чтоб проснуться,
А ремонт весь позади?

ШАШЛЫК

Хаш, плов, долма и чахохбили.
Кто больше и к чему привык.
Лагман, самса, бозбаш, сациви.
Демократичнее шашлык.

Шашлык бывает из свинины.
По классике, когда баран.
Из кур, индеек, оленины.
Какой размах, какой карман.

Рецепт поведаю вам, кстати,
Аж ум отъешь, коль без ума.
Шашлык из вырезки теляти,
С названьем гордым — бастурма.

Нарезать вырезки кусочки,
От тёлочки, немногих лет.
Размером в пол-газетной строчки
(Пять сантиметров, не секрет).

На килограмм мясного веса
Примерно лука килограмм.
Лук режем крупно, с интересом.
Ведь есть потом придётся нам.

Лук с мясом жмём вовсю, мешаем,
И сыпем специи слегка.
Мы в эту миску наливаем,
Вполне добротнo, коньяка.

И в холодильник чан. На сутки.
Поставить сверху лёгкий груз.
Здесь не куриные вам грудки.
Здесь тот шашлык, который Туз.

На шампуры потом кусочки,
Как день за днём. Как восемь дней.
И сала мелкие шматочки
Между кусочками плотней.

Всё совместили прочно, плотно.
В мангале жар и лёгкий дым.
Вот тут, обильно и охотно,
Кусочки мяса посолим.

Шашлык томится над углями.
Нет, не сторонник я реклам.
Попробуйте. Поймёте сами,
Как повезло со мною вам.

ИНСТРУМЕНТЫ

Инструменты, ржавые чуть-чуть.
Может, влага где когда проникла.
Только это не меняет суть
Чисто производственного цикла.

Молоток знакомый. По руке.
С рукояткой, помнящей ухватку.
Штангенциркуль сдвинут вдалеке,
Губками фиксируя закладку.

Пассатижи. Труд печально ждут.
Ручками краснея из окраин.
Надо — распахнутея и зажмут,
То, что сжать потребует хозяин.

Дрель красива и невелика.
К ней, конечно, много придамбасов.
Корпус шнур оплёл её слегка.
Свёрл коробка. Чтоб без выкрутасов.

Вот напильников отдельный строй.
Все друг другу так несоразмерны.
Этот чистит, тот снимает слой,
Тот на глади делает каверны.

Вот отвёртки: плоские и крест.
Вот зубило, шпатели, стамески.
Топоры и пилы. Много мест.
Вот резцы. Готовы резать фрески.

Банки гаек, шайб, винтов, болтов.
Подхожу я к инструментам с тыла.
Инструменты в руки взять готов!
Вроде был готов. Теперь остыло.

ПРЕДПОЧТЕНИЕ

Блюда кухонь мира.
Массу предпочтений
Воспевает лира.
А я люблю пельмени.

Сложные салаты.
Щи из всех растений.
Драники, купаты.
А я люблю пельмени.

Квас, блины, картошка.
Холодец весенний.
Курники, окрошка.
А я люблю пельмени.

Хаш, кебаб, тефтели.
Борщ, орехов жмени.
Суп, бочок форели.
А я люблю пельмени.

Кекс, бизе, конфеты.
Тортик из печений.
Пастила, крокеты.
Дайте мне пельменей.

Перец, лук, водичка
И три сорта мяса.
Яйца, соль, мучичка.
Тесту ждать до часа.

Раскатать кружочки.
Горкой фарш упруго.
Сбоку завиточки.
И на лист друг к другу.

Срок примерно семь минут
После верховсплытия.
Моя миска тут как тут.
Ждёт она события.

Много толстых пельменёв
С предвкушеньем, стоном,
В миску сыплю до краёв,
Освежив бульоном.

Чуть даю я им остыть,
Чтоб не съесть так рано.
Успеваю положить
Укус и сметану.

Соуса совсем чуть-чуть
И горчицы малость.
Отправляю ложку в путь.
Глядь — и не осталось.

В мире много славных дел.
Солнце гонит тени.
В моей жизни есть пробел:
Я люблю пельмени.

ГРЕХИ

Как никак, я инженер.
Много знаю. Например:

Конденсатор. Виды фрез.
Испытание на срез.

Матрица и пуансон.
Интегралы и кингстон.

Шнеки, шмальта и триер.
Трансформатор, форма сфер.

Пробы, тигель, картер, пламя.
Всё, что делают руками.

Электродов знаю марки.
Знаю всё на темы сварки.

Знаю я станки, приборы,
Механизмы и моторы.

Но в душе такое чувство:
Больше я люблю искусство.

Книги, статуи, картины —
Для души здесь Палестины.

Режиссура и стихи.
Сцена. Вот мои грехи.

СОГРАЖДАНЕ

Люди разные, как перцы.
Есть отличия у них.
Общий разве стук у сердца
И простудный терпкий чих.

Кто мечтает губы в губы.
Кто-то ждёт корпоратив.

Кто чужие вставил зубы.
Кто придумал свой мотив.

Эти — днями на скамейке.
Этот — всем руководит.
Этот — преет в тубетейке.
Тот пришёл, поел и спит.

Можно жить и ждать зарплату.
Можно лечь за пулемёт.
Каждый выбрать смог когда-то
Путь, которым он идёт.

На земле сограждан столько.
А планета так седа.
В результате дата только.
Вот бы память на года.

МЕСТА ОБЕТОВАННЫЕ

Чтобы был в душе полёт,
Чтоб месили руки тесто,
Каждый где-то, но живёт,
Заполняя телом место.

Видел я дворцы из грёз.
В них свехроскошь. Абсолютно.
Блеск и золото до слёз.
Только жить здесь неуютно.

Тот работал выше сил.
Долго шёл к заветной «двушке».
И гордится. Получил.
С ним и дети, и старушки.

Кто-то, выкупив жильё,
Лижет потолки, обои,
Каждый шкафчик. Всё — моё.
Радость здесь и здесь устои.

У кого-то дом — очаг.
У кого-то дом стерилен.
В этом доме кавардак.
Этот дом приятен, стилин.

Всюду дом не унесу.
Ждут людей гостиниц стаи.
Дом в охотничьем лесу
Сколько жизней выручает.

Вот казармы — коек строй.
Нары, камеры, землянки.
Место, где ты был герой, —
Сеновал у поселянки.

Мезонины и шалаш.
Пик страданий, луч успеха.
Место — это гребень наш.
Без него вся жизнь — прореха.

ЦЕХ

Сборщик, слесарь и сварной.
Гильотинщик, токарь.
Развальцовщик, крановой.
И, надстройкой — стропаль.

Всех в цехах не перечеть.
Здесь особый кластер.
И, когда работа есть,
Самый главный — мастер.

Запах масла и металла.
В пятнах синьки чертежей.
И до слёз рабочих мало,
Как под стрехою стрижей.

От забора до заката!
И быстрее, желательнее.
«А какая нам зарплата?»
«Будет, обязательно».

Здесь, без этих чёрных рук,
Не видать вам плана.
А в обед костяшек стук.
Пить — так из-под крана.

Каждый Дока в своём деле.
Каждый может на гора.
Нету нормы? Еле-еле.
Дали цену? Всё, пора.

Здесь всегда почти аврал.
И с зарплатой страсти.
Жил средь этого. Видал.
И люблю, отчасти.

ЗАПИСКИ ПЕНСИОНЕРА

Мерцающим бликом по памяти — счастье.
Забытыми шрамами — прошлые драки.
Измятыми фантами — юности страсти.
Предательство друга — укусом собаки.

Царапиной с коркой — навеки утраты.
Несложные мысли. Отсутствие денег.
Смертельная скука, пустые дебаты.
Тепло, если в миске дымится вареник.

Смешно, если видишь тщеславье пустое.
И грустно, когда от тебя ждут восторга.
Печально, что нет той эпохи застоя.
Всё было стабильно. И не было торга.

А мы — огурцов пожелтевшие плети.
А мы — винограда засохшие лозы.
Нам светлой надеждою — внуки и дети.
Тепла им и солнца средь царства мороза.

БУРЯ

Губы от ветра затянуты коркой.
Руки потрескались, кровь у ногтей.

Солнце закрыто туманом, как шторкой.
Соль выступает на мочках снастей.

Ветер беснуется. Ветер — начальник.
Крутит барашки и волнами бьёт.
Туго скрипит, в ночь шагая, румпальник.
Парус трепещет, и ванта поёт.

Рифы на гроте уже до отказа.
Стаксель опущен и сложен в кису.
Берег не видно. Он скрылся, зараза.
Вот бы звезду и костёр на мысу.

Ночь, подскажи нам: где лево, где право?
Ветер заходит туда и сюда.
Ясно одно, что вокруг нас — Держава.
Берег вот где? Всё вода и вода.

Но огонёк наконец-то пробился.
Может, прожектор, а, может, маяк.
Парус окреп, и кураж появился.
Так же и в жизни. Иначе никак.

НОСТАЛЬГИЯ

Простота на полках шкафа.
Незагруженность пустыни.
На столе, в мансарде графа,
В древней чашке, кофе стынет.

Древо ветхое от предков.
Блеск потёртости халата.
Две руки, как плети слепков.
Были сильными когда-то.

Птицей бьётся о прорехи
И о память ностальгия.
Здесь успехи — не успехи.
Здесь чужбина. Не Россия.

Мы другие. Не Европа.
Не Стамбул и не Канада.
Нам огурчиков с укропом.
Карася поймать нам надо.

Чтобы рядом грязь дороги.
Чтобы рыжики, маслята.
Чтоб дворняжки, а не доги.
И чтоб все оттенки мата.

Если друг, так без затей.
Коль любить, так до рассвета.
И хомут коню на шею.
Ночью соловьи всё лето.

Пролетают сны мечтаний.
Это память или бредни?
Альманах воспоминаний.
Может, граф уже последний?

В ЧЕТВЕРГ

Борис Абрамович сказал:
«В душе стих должен слиться».
И я подумал: «Стих — вокзал,
В который поезд мчится».

Борис Абрамович стихи
Внутри воспринимает.
Тихи они, скромны, лихи,
Всё память пролистает.

Борис Абрамович не стал
Ругать полутворение,
Чтоб автор не отпал, а встал,
Родив стихотворение.

Борис Абрамович не сноб,
Хоть мудр по этой жизни.
И дай ему Всевышний, чтоб
Он ценен был Отчизне.

МОИ РАБОЧИЕ

Я люблю простых рабочих.
С хитрецою, взгляд открытый.
Нет в душе противоречий.
Нет побочных мыслей, прочих.
След металла не отмытый.
Мощью налитые плечи.

Разговоры про зарплату.
Про наряд не очень жирный.
Про расценки всей бригаде.
Обстоятельно, без мату,
Моя руки пеной мыльной,
Опасаясь быть внакладе.

С суетою не знакомы.
Стороной всё подмечают.
Домино в обед — священно.
Не берут куски из дома,
Но в «столовке» всё съедают.
Ждут аврала вожделенно.

Вот уж время для диктата.
Чудо чудное — аврал.
Надо к сроку? Что ж, успеем.
Но двойная нам зарплата,
Чтоб аккорд «Сам» подписал.
А работать мы умеем.

Так с металлом целый день.
Руки тяжести таскают.
В выходные все на дачу.
В семьях не ютится лень.
И рыбачат, и гуляют.
А здоровье лишь на сдачу.

НА РАБОТУ

Я по лестнице иду,
А из окон море света.
Старый пень, всё счастья жду.
И зима как будто лето.

По волосикам лучи,
Как сквозь листики подснежник.
Все вороны, как грачи.
Сказкою в снегу валежник.

Коридор и кабинет.
Полумрак, бумаги, папки.
А земле так мало лет.
И рассвета цепки лапки.

Полуоблетевший лист,
Я, земли куда моложе,
Перед ней почти что чист.
Но с землёю встречусь тоже.

МАНГАЛ

Он стоит под снежной шапкой,
Самодельный, чуть кривой,
Меченый сорочьей лапкой.
Без коня седой ковбой.

Ждёт тепла, углей и мая,
Бересту, полешек стык.
Скоро, жар в себя вбирая,
Соком изойдёт шашлык.

Шампуры и к ним решётка
Над пылающею бездной.
Всё так ярко. Как кокотка,
Что желает быть любезной.

Ароматы пролетают.
Томный вкус и объеденье.
Угли в пепле плавно тают.
Мы. Мангал. И наслажденье.

АГРЕССОРЫ, НЕ МЕШАЙТЕ

Время мчит в стране любой.
День свершеньями заточен.
Вот погнал коров ковбой
К тучным травам после ночи.

Капитан швартует сам
В сложном месте к пирсу судно.
Вот шаман стучит в там-там,
Если жизнь сложилась трудно.

На порогах плотогон
Ради брёвен всем рискует.
Подобрал судья закон.
Года два за мелочь вдует.

Продавец вас обсчитал,
А кому-то не довесил.
Вот студент зачёт проспал:
Был вчерашний вечер весел.

Токарь втулку запорол,
С вала сняв побольше сотки.
Школьник принял в зад укол.
А гаишник выпил водки.

Дачник грядки засадил
И потом полил из шланга.
Лектор в чём-то убедил.
Оркестрант исполнил танго.

Все привычно. По уму.
Каждый дело совершает.
Дать бы в физию тому,
Кто спокойно жить мешает.

ВРЕМЕНА ГОДА

ОБО ВСЁМ

Когда цветут каштаны,
Все дрызги так типажны.
Когда ушли тюльпаны,
Как ландыши отважны.
Все дамы эпатажны.
Все клерки безбумажны.
Светило жар спускает,
Макушку нагревает.

И дождик не летает
В том месте, где живёте.
Где жизнь порой ласкает,
Пока не в переплёте.
Вы мыслями в полёте,
Когда не всё в цейтноте.
Когда на сердце праздник
И дел в мечтах заказник.

Когда июнь — проказник —
Оденет эполеты
И сверху, безобразник,
Дождём намочит лето.
А осени приметы
Далёко, в бездне где-то.
Как хочется порою
Обнять всю жизнь душою.

Мы с разницей большою
Подходим к судьям мира:
Кто раб у аналоя,
Кого щекочет лира.
Как клавиши клавира,
Как драма и сатира.

Кто вязко деньги любит.
Кто лишь мечты голубит.
Кто власть в подмышки грудит.
Кто строит путь из схем.
А в результате будет
Один вопрос: «Зачем?»

Ответа нет. Он нем.
Есть очень много тем.
В них есть кому и что сказать.
Когда дерзать, чего искать.
Жизнь будет тело обтекать.
Душа надеждою согрета.
И громко надо прошептать:
— Привет, Весна, с приходом, Лето.
Эй, месяц Май,
В Июнь шагай.

ЯНВАРЬ

Безысходность в стоне вьюги.
Жуть перед огнём мороза.
Солнце в мрачном жёлтом круге,
Словно в инее мимоза.

На подошву снег вlepился.
Нос — соперник для сосульки.
В угол будки пёс забился.
Пальцы — ледяные тюльки.

Уши колет, глаз слезится.
Облизать не смейте губы.
Вихрем мелкий снег клубится.
Злым волчком дымятся трубы.

В памяти и в мыслях печка,
Рай горячей батареей.
Рот закрылся. Ни словечка.
Лишь январь на верхней рее.

В проруби не до купанья.
Затянулся лёд мгновенно.
Только лес — очарованье.
В нём зима так откровенна.

Холод, словно в Антарктиде.
Всё сверкает на морозе.
Под пургою, в жалком виде,
Люди стынут в хлипкой позе.

Градус, дай нам послабленье
И весны хотя бы всхлипы.
Сотня дней — и, без сомненья,
Ландыш зацветёт под липой.

ФЕВРАЛЬ

Оторвался якорь, тормозящий зиму.
И она расхлюпалась вместе с февралём.
С крыши пласт с сосульками шлёпается мимо.
В городской опасности радостно живём.

Наледи не сколоты, снег под толстой коркою.
Дождь идёт со снегом. И снег идёт с дождём.
Шелуха от семечек под кормушкой горкою.
Ночью птицам холодно, но чудесно днём.

Долог путь и медленен в магазин у бабушек.
Поспешись — и с травмою ляжешь в коридор.
Лёжа в узкой койке, не напечь оладушек.
Жаль, что нет поручней, где глухой забор.

А седые дамы семена сажают.
Чуть побольше перцев, меньше баклажан.
Рыбаки у лунки зиму провожают,
В заскорузлых пальцах отогрев стакан.

А весна крадётся, мягко, незаметно.
Снег в парник на грядки накидал сосед.
Тает на дорогах. Так авторитетно.
Дед Мороз раскиснув, стал уже не Дед.

МАРТ

Что происходит в марте?
Конечно, праздник женский.
И на погодной карте
Скандальчик декадентский.

Сумбур, смешенье правил,
Круговорот погоды.
Да, гений злой возглавил
Бесчинство всей природы.

Весь мир как бы в откате.
Прогнозы — ерунда.
И только здесь, в Тольятти,
Похоже, как всегда.

Капель прошла по крышам.
Местами тает снег.
Весною чётко дышим,
Как должен Человек.

Как свиньи, все машины,
Облитые из луж.
Здесь вам не Палестины.
Весенний, вечный душ.

В грязи кусты согреются,
Намокнет человек.
Чиновники-андреевцы
Не вывозили снег.

Вода вздыхает бульками
И замирает так.
Свисает грязь сосульками
С породистых собак.

Уже набухли почки.
С дорожек сходит наст.
Зовут пивные точки
К себе одну из каст.

Бандиты в Украине,
Но бьётся только Крым.
Душой мы тоже с ними
И Крым не осраим.

Чуть-чуть светлеют лица.
Зима вот-вот уйдёт.
Спешат к деревьям птицы,
А рыбаки под лёд.

Маршруткой грязной, мрачной
Добрался человек.
Он не облился смачно,
Хоть и растаял снег.

Шагает вдаль с улыбкой.
Все помыслы честны.
Смущён погодой зыбкой.
Так хочется Весны.

АПРЕЛЬ

Месяц потешный апрель.
Не два он и не полтора.
То лужи, то снег, то капель.
Кругами земля у двора.

Полгорода впало впросак,
Колёса зимы заменив.
Вдруг снега насыпало так,
Что скрылся весенний мотив.

А с крыши то снег, то вода.
На солнышке лезет чеснок.
Все в белом стоят города,
И лёд вдоль по кромке дорог.

Трава всё ещё не трава.
Всё тускло, чуть зелень блестит.
И птица совсем не права,
Когда и поёт, и свистит.

По солнечной по стороне
Гуляют забавно грачи.
И голову греют на мне
Весеннего солнца лучи.

Опала листва, словно мысли,
И вылезла вновь из-под снега.
Холодные ночи зависли.
Все почки надулись с разбега.

Льды, ветры по Волге гоняют.
В лесу не пройти, не продрасться.
Рассаду в горшках поливают.
Не скоро ей в грядку забраться.

Но солнце сияет и давит,
И зелень всё ярче, богаче.
Погода шалит и лукавит.
Щекочет любителей дачи.

Уже закупаются лески,
Садки, поплавки и крючки.
И, словно застывшие фрески,
На воду глядят рыбачки.

Природа! Дай радость на сдачу.
У каждого свой интерес.
Пусти всех скорее на дачу.
Пусти всех на речку и в лес.

МАЙ

Этот месяц всё в себя вобрал,
Чемпион погодных аномалий.
Он для года — пламенный хорал.
Он — арена солнечных баталий.

Он — мороз и иней по утрам.
Он — жара, что почву иссушает.
Он — зима и лето, пополам.
И галдёж всех тех, кто прилетает.

Очень лихо выросла трава.
На деревьях распустились почки.
Транспаранты, а на них слова.
И всю зелёные листочки.

Вдоль дорог синеют пацаны,
Зажимая в кулачках букеты.
Продают нам запахи весны.
Купят что себе? Да, не конфеты.

Белый ландыш. Яркая сирень.
Грязные бродячие собаки.
Вместо леса пень подпёр плетень.
Надпись: «Продаются раки».

Над водой туманы поутру.
Пыли нет. Всё зелено и ярко.
При восходе зябка на ветру.
При закате солнечно и жарко.

Дачники зависят от колёс.
На земле посадки — в зоне риска.
Через месяц будет сенокос.
А пока всю едим редиску.

ХОЛОДА

По площадке месяца, что на глыбе года,
Незаметно, медленно, грустный день скользит.
Замела сугробами путь к реке природа.
Щель двери невидима, но в неё сквозит.
Юркая синица, толстая от холода,
Из кормушки семечку понесла на ветку.
У собак бродячих вечно чувство голода.
Палкой гонят часто, кормят очень редко.

По ночам морозы свет от звёзд туманят.
Рвётся холод в ноги, в уши и в носы.
Батареи в доме так зовут и манят.
Мы же не снегурочки. Ждут весну часы.
Вензелями стёкла прячутся от улицы.

Толстые одежды плотными слоями.
Жмут морозы сильные. Не несутся курицы.
Рыбаки не ловят судаков сетями.

Лук на подоконнике зелень выпускает.
Орхидея к солнцу тянется цветком.
Всё равно со временем этот снег растает.
И весна и лето будут, но потом.

ОПЯТЬ ВЕСНА

Уезжаю на неделю.
Две рубашки про запаску.
В май вбегаю по апрелю.
Мну зелёную раскраску.

Бывший лёд по серой Волге.
Грязь с водою по дорожке.
Путь до зрелости недолгий.
В бороде застряли крошки.

Не востребованы краски.
Заржавели инструменты.
Кот в кладовке строит глазки.
Бывший друг ушёл в агенты.

Поле мусором рябеет.
Лес сучками выступает.
Кто-то с каждым днём тупеет.
Кто-то древнее читает.

Вот лучи бегут по кровле.
Греют мозг, лицо и душу.
Я к сезону рыбной ловли
Обниму весь мир. Не струшу.

Я, наевшийся весной
И черешней, и редиской,
Может быть, медали стою
Или грамоты с припиской.

Дом, работа, приключенья.
Горы, чащи и овраги.
Жизнь — и счастье, и везенье.
Правда, требует отваги.

КАК?

Сухая желтизна весны.
Травы куски, как изумруды.
Нам рамки жизни так тесны.
И не пробиться из запруды.

В шкафу потёртое шубьё.
Ведро помятое в сарае.
Секунды жизни, ё-моё,
Сложились в груды, кучки, стаи.

Над морем горный силуэт,
И утро холодит росой.
Пропев сонет, оставить след?
Скользнуть в нору и вглубь лисою?

На подоконнике окна
Цветёт три года орхидея.
Она опора и Весна,
Когда жена немного фея.

Лежит на балках чердака
Слой пыли толще, чем картонка.
Как молодость всегда легка,
Как юность проскакала звонко.

Кричат из камышей лягушки.
Чернеют птицами заборы.
Прospать всю жизнь на раскладушке?
Иль серебра на стол приборы?

Творятся в небе авантюры
И звёзды в неизвестность мчатся.
Складировать в мешок купюры?
Или мозгами развиваться?

Безвкусен терпкий сок берёзы.
И лишь любовь порою сладка.
Прожил всю жизнь, меняя позы?
Или сгорая без остатка?

Кресты зелёного погоста.
Сирень в цвету — эмблема мая.
Что лучше? Жить до девяноста?
Или чуть-чуть, но полыхая?

ОСЕНЬ

Моё везенье оступилось.
Стезя намокла без зонта.
Случилось — или получилось.
В судьбе есть разные места.

Вокруг страна на сером фоне.
Скрипят знакомые в доме.
И покосился дуб на склоне.
Нам волосы теперь к чему?

Друг перестал читать, лить слёзы.
Другой пустился занимать.
Соседка надувает позы.
Взамен извилин степь да гладь.

А осень грязью наступает.
Заныли сердце и сустав.
Но что-то где-то закипает.
А тот, кто сдался, — тот неправ.

Жить буду праздно и свободно.
Пусть небогато. Интересно!
Гулять. Читать. Любить не модно.
Общаться и писать, но честно.

СЛОВА, МЫСЛИ И ВОПРОСЫ

ЧТО ВАЖНО?

Что важно? Честность и работа.
Что важно? Дети и семья.
Рассвет. О стариках забота.
И не на первом месте Я.

Что важно? Утренние росы.
Что важно? Множество друзей.
Чтоб головой зарыться в косы.
И дом чтоб не был, как музей.

Что важно? Солнечные блики.
Что важно? Руки на плечах.
Любимым розы и гвоздики.
И разговоры при свечах.

Что важно? Полный дом народа.
Что важно? Звёзды над крыльцом.
Любить людей. Любить природу.
И не ударить в грязь лицом.

Что важно? Друг во всём надёжный.
Что важно? Память о герое.
Жить добросовестно и сложно.
А что неважно? Остальное.

ЧЕСТЬ И ЛЕСТЬ

Почему на задолбоз
Спрос большой из века в век?
Выполняльщиков капризов
Часто ищет человек.

Пусть дурной, как Гваделупа,
Пусть стукач и крохобор.
Но прикармливают тупо
Этот мерзостный набор.

Хвалит льстец и заливает,
Вызолачивает зад.
И хозяин постигает:
«Я такой. Спасибо. Рад».

«Самый, самый...» Ну и что же?
Скоро слава и успех.
От людей кривится рожка:
«Я, похоже, лучше всех».

Лестью деньги пропитались.
А без них совсем нельзя.
Рядом сволочи собрались.
В стороне давно друзья.

В пропасть слов бегут потоки.
Под ступней чернеет снег.
Вспомнит кто? А был глубокий,
Умный, мудрый человек.

Взмыл над тучей и разбился,
Память грустью теребя.
Потому что возгордился
И влюбился сам в себя.

Был широк, стал явно сужен.
Не осталось ничего.
А льстецу он был не нужен —
Только денежки его.

По-простому проживите,
Тёплой радостью минут.
Восхищаются? Уйдите.
Если хвалят — точно врут.

РАЗМЫШЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жизнь — что? Поступков яркий цвет.
Жизнь — это что? Свободы царство.
Или затянутый корсет?
И прозябанье, без лекарства?

Альбом из истин и событий?
Дневник заметок? Перемены?
Мечта любви? Глоток открытий?
А, может, слава в хлопьях пены?

Мелькает жизнь, а в ней до края
Триумфов, мерзостей, поступков.
Кто одинок, кто плотно в стае,
Кто, как аскет, кто пьёт из кубков.

Когда ты прав? Кого обидел?
Когда в сражение победил?
Когда паскудство не увидел?
Когда страдал, но не просил?

Ты принц любви, барон лобзаний?
Да нет, ленивец и байбак.
Король ума и герцог знаний?
Да нет. Так где-то, середняк.

Стезя по тропке пробегает,
Вдаль к горизонту, где большак.
Всё вдоволь. Малость не хватает
Того, что в жизни стёр кабак.

Кадушка глупых начинаний,
Событий пошлых череда.
Есть папка разных созиданий.
Победы были. Иногда.

Перебирать свои поступки?
Искать тот самый эпизод?

Перетирать все фразы в ступке?
Что был за день, за месяц, год?

А был ли миг тот в жизни лишний?
А был ли я в тот день клыкаст?
Укажет нам потом Всеvyšний.
И, может быть, за всё воздаст.

РАЗМЫШЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Зло часто доброе сменяет.
Так эфемерен переход.
А после зла добро? Бывает.
Пореже, если повезёт.

Среди карьерных увлечений,
Среди тщеславья и вранья
Спасают речка, мир растений
И где-то, может быть, семья.

Как всё же власть симптоматична.
Предательство втоптало честь.
И надо выглядеть отлично,
Гораздо лучше, чем ты есть.

Желанье сделать впечатленье,
Родить завистливый восторг,
Для денег гнать в душе сомненье.
И все поступки, как на торг.

Всё для чего? Для некролога?
Друзья, любовь — под купорос?
Ты в памяти оставишь много?
Вопрос слоится на вопрос.

Мы все порой рабы традиций.
Собрались за столом друзья.
Чтоб от души наговориться?
Или возвысить букву Я?

Мир многогранен, страстен, томен.
А истина всегда проста:
Будь сострадателен и скромн,
И помни заповедь Христа.

РАЗМЫШЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Когда испёкся на работе
И отхлебнул в клоаке слов,
Ждёшь ночи, чтобы всею плотью
Нырнуть скорее в толщу снов.

Там фантастично и не больно.
И нет там почему-то зим.
Там все вокруг тобой довольны.
Там ты успешен и любим.

Июль. Жара и пот. Противно.
Комар наперевес с ружьём.
Спасёшься инициативно,
Нырнув поглубже в водоём.

Вода погладит, охлаждая,
Лаская кожу, спину, грудь.
Продли мгновенья, заплывая
За горизонт, куда-нибудь.

Когда нет в доме пониманья,
Зуденье, ссоры и галдёж,
Не стой, как жертва на закланье.
На них попрёшь — уйдёшь в падёж.

Получишь с верхом, полной меркой.
Виляй подальше от борьбы.
Уйди спокойной канонеркой
В лес, на рыбалку, по грибы.

Хотят, к примеру, объегорить
И получить нашармачка.

Ты улыбнись, не надо спорить.
И исчезай совсем, с бочка.

Ты не руби им правду-матку.
Её все слышать не хотят.
Но в память отложи закладку.
Возможно, скоро повторят.

Когда готовится интрижка,
Не окунайся, избегай.
Гораздо интересней книжка.
Она полезней. Почитай.

Порой от зависти сгорают
Твои приятели, друзья.
Увы. Пылают и не знают,
Что так на свете жить нельзя.

Жизнь событийна и прекрасна.
Конец всегда один. Плита.
Живи достойно, ярко, ясно.
Всё остальное — суета.

ВМЕСТЕ

Трудно, вроде, одному.
Почему вот? Не пойму.
Лучше одному в кровать:
Думать мысли и читать.

Лучше одному копать.
Лучше одному готовить.
Лучше тексты сочинять,
И не надо многословить.

Вместе тоже, вроде, надо.
Но когда друзья не стадо.
Что-то можно рассказать,
И послушать, и обнять.

Можно и гостей созвать.
Пообщаться люди рады.
Можно что-нибудь создать
И похвастаться наградой.

Хорошо, когда один.
Сам себе ты гражданин.
Хорошо, когда невеста
Заполняет рядом место.

Хорошо, когда друзья.
Всё же одному нельзя.

ЛОЖЬ

Ложь — это попросту враньё.
А лгун, конечно, врун.
Средь пеликанов вороньё.
Оборвыш среди струн.

Враньё, конечно, это вздор.
А враль — пустой болтун.
Болтун — он хуже, чем топор.
Как в морге хохотун.

Ложь — это истины провал.
Ложь — сплетня, вал интриг.
Размазанный по щёкам кал.
В кармане чьём-то фиг.

Ложь вечно гадостью живёт.
Стреножит и коня.
Нам ложь надежды не даёт,
Как мрак средь бела дня.

Но есть и праведная ложь,
Когда идёт лечение.
Мир многогранен. Ну и что ж?
Есть ложь и во спасенье.

ПУБЛИЧНОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Я немного не любитель
Всех общественных дорог.
Каждый, даже долгожитель,
В мире очень одинок.

Цепи — родственные связи,
И большой рюкзак — семья.
Есть любовь — царишь в экстазе.
Принц. Хозяин бытия.

Сослуживцы — вроде что-то.
Друг из детства. Хуже враг.
Близость с кем-то отчего-то,
Огоньком среди атак.

С кем-то приторны беседы.
С кем-то чокается тост.
С кем-то больше, чем с соседом.
Тот проводит на погост.

Кто звено в твоей ограде?
Не слуга, не господин?
Человек он, вроде, в стаде,
Но один, один, один.

ЗДЕСЬ И ТАМ

Средь неги, счастья и пожаращ
Мы как ячейки разных каст.
Когда уходит наш товарищ,
Из жизни выпадает пласт.

Ты, жизнь, на подлецов богата,
Но как скупишься на друзей.
Был человек. Осталась дата.
День смерти. Скорбный юбилей.

Нет, не вернуть. Лишь вспомнить что-то.
Без друга, вдаль судьба бежит.
Другие люди и работа.
Он все же здесь, хоть там лежит.

Остались вещи, боль и фотки.
И не вернуть, не поменять.
В одной всегда мы были лодке.
А с кем теперь? Как знать. Как знать.

Подходит смена поколений.
Нам скоро каркнет воронье.
Для смены будем мы, как тени.
У нас своё. У них своё.

Хоть это и несправедливо,
Уход, увы, не отменить.
Жить надо вкусно и красиво.
Но невозможно вечно жить.

ТУДА

Кого-то хочется согреть?
Да, вроде, никого.
Свечой любви в ночи сгореть?
Вот только для чего?

Псом верным скрючиться у ног?
Горжеткой лечь на грудь?
Возможно. Но под эпилог.
Да и не в этом суть.

А, может, суть в самом пути?
В болячках и в борьбе?
И тут, хоть ангелом лети,
Твой бес всегда в тебе.

Людей листать, не забывать.
Людей всегда — аншлаг.

Кто врёт, вредит, с кем жить, с кем спать.
Кто друг, кто брат, кто враг.

Как скоротечны голоса.
Как юрок мысли луч.
Всех ждут и манят небеса,
Блистая среди туч.

И что? Твой жизненный багаж
Не ценен никому?
Мудрец, подлец, герой, алкаш
Живут в твоём дому.

И этот дом типичный, свой,
Душевный закуток.
Когда простится мир с тобой,
Оставь на память клочок.

КАПРИЗНИЦА

Ты вожаденнее алмаза.
Ты и отравы, и нектар.
Ты трепет, счастье и зараза.
Ты слава. Вспышка и пожар!

Капризна, будто бы девица,
Хотя давно известна всем.
На пантеоне лица, лица.
Тот славен этим, этот тем.

К твоим ногам бросают золото.
На дипломанта льётся лесть.
Вдруг всё растаяло куда-то.
Исчезли деньги, память, честь.

А кто-то жил не ради славы.
Творил, трудился не за страх.
Всё для семьи или Державы.
Остался навсегда в веках.

Пылают жизни, состоянья.
Глупцы стремятся в небеса.
Не любит слава притязанья.
А смерть? Одна для всех коса.

СМЫСЛ

Смысл жизни слит с вопросом
По какой-то из причин.
На ветру стоит утёсом
Цифра грустная — один.

Уши давят на фуражку,
Заплетается язык.
Бог опять даёт поблажку.
Ну а дальше что? Кирдык?

Дребузня из фраз неважных.
Все поступки, словно вата.
Блеск натужных дел бумажных.
И в тумане скрипом дата.

Всхлипы окриков, проклятий.
Память редких озарений.
Радость, как бычки в томате.
Двадцать восемь. Каждый гений.

Груды шуток неудачных.
Горечь смены поколений.
Скука терпких дней и смачных.
И потёртые колени.

Но горит в подполье вера.
Юмор сердце нежно гладит.
Каждый день — брильянтов мера.
И позор на тех, кто гадит.

Жизнь, что в море, что на суше,
Вдаль шагает беспшабашно.
Звёзды и в глазах, и в душах,
Как ни сложно, как ни страшно.

И ЧТО?

Кто-то любит Губермана.
Кто-то Путина ругает.
Кто-то пиво, без стакана,
Из мешочка отпивает.

Кто-то завистью исходит.
Кто-то на соседей пишет.
Кто-то вечно в огороде,
И никто его не слышит.

Этот завтрак сам готовит.
Тот на пенсии. Прикольно.
Этот рыбу в луже ловит.
Тот скрывает, если больно.

Этот женщин обожает.
Тот всю жизнь зачем-то копит.
Это — Гений, но не знает.
Тот стремится жить в Европе.

У кого вершина — строки.
У кого вершина — золото.
Но одни у всех истоки
И родильная палата.

Проводы чуть-чуть различны,
Гроздь из речей в финале.
Эклектичны, поэтичны.
Вот вы жили и пропали.

Только прочерк, чёрный прочерк
Между смертью и рождением.
Как ты цвёл и пах, цветочек?
Не узнаешь, к сожаленью.

ЗА КРАЙ

Я заглянул с трудом за край земли,
Земли, чей плоский диск лежит на черепахе.
Мне ветры с головы убор смели.
Он навсегда пропал. А жаль, я был в папахе.

В мечтах Россия — родина слонов.
Любовь летит по дням скрипучей колесницей.
Мелькают Пасха, Рождество, Покров
И транспаранты Мая, эхом из традиций.

Мы любим сны сильнее бытия.
Не совпадаем жанром в выборе профессий.
Чем дольше жил, тем глубже колея,
Но верных нет друзей вон там, в конце
процессий.

Взахлёб вредит бездарная овца.
Иголки сыплют горстью глупые клеверты.
Нет в доме фотографии отца.
Есть грусть внутри. А кожа вся бронёй одета.

Я — понедельник. Вовсе не среда.
А вот в глазах суббота. Даже воскресенье.
Я веселил всегда свои года.
Врагов нажил полно. Но это к сожаленью.

Нескладно жить, коль чувства в кошельке.
А я обласкан солнцем, языком, словами.
Душа и сердце вместе, в узелке.
И мир искрит, скользит, уходит под ногами.

СЛОВО

Слово камнем просвистало
И ударило по телу.
Зацепило, искусало,
Как мечтало и хотело.

Словно острый ножик в мясо.
Словно ржавый гвоздик в пятку.
Будто дьявол среди Спаса
Шёл по клиросу вприсядку.

Слово! Ты практичней мысли,
Потому что так публично.
Слёзы на щеках повисли.
Нос потёк. Непоэтично.

Где дуэль и пистолеты?
Шпага, колкая, как фраза?
Век другой — и чести нету.
Всюду подлость — до экстаза.

Только кулаки с плевками,
Лишь чрезмерное презренье
И соседство с дураками.
Вот и всё стихотворенье.

ВОПРОСЫ

Я не знаю, почему
Очень просто жить дерьму?
Подлецам везде дорога,
Сволочам во всём везёт.
Вас, хороших, так немного.
И хороший часто пьёт.

Я не знаю, почему
Грабят из Москвы страну?
Рассыпаются устои
Для России — как упрёк.
В шахту, быдло, и в забой.
Лишь бы толще кошелёк.

Я не знаю, почему
Нет оценки по уму?
За зарплату, за подачки
Мило жить, не размышлять.

Век лениться, не читать.
Голова для сна и жвачки.

Я не знаю, почему
Носят многие суму?
Вроде мощная Держава,
И богатств её не счесть.
Есть и гордость, есть и слава.
Вот бы всем бы сытно есть.

ПРО МЕНЯ

Отчего-то так приятно,
Если женщина опрятна.

И внутри, в душе лучисто,
Если в вашем доме чисто.

Мне милей медовых паток,
Если у друзей достаток.

Друга что, коль не предал,
Задней частью не вилял.

Освежает мой оплот
Умный, острый анекдот.

Возвышает мысли гений
Вдруг метафорой сравнений.

Восхищает всех балет.
Я смотрел, смотрел. Но нет.

Липок мне приказов тон.
Но зато люблю ворон.

Обожаю посиделки,
Трепотню, где мысли мелки.

Книги. Сны. Люблю застолье
И российское раздолье.

Презираю пышность фраз
И чужой из щели глаз.

Избегать пытаюсь драк.
Я приятель у собак.

Тот, кто мастер, тот, кто дока,
Симпатичен мне глубоко.

Всё, что есть, когда-то было,
Только в памяти остыло.

Ждём событий череду.
Попаду — не попаду?

Но мечтать, идти, не ныть —
Это тоже значит жить.

Каждый час в руке держать,
Никому не подражать.

НЕВЕЗЕНЬЕ

День бывает невезучий.
Как обычно, он тягучий.
Воздух в этот день скрипучий.
Это свыше? Или случай?
Кто судьбу печально пучит?
Кто наслал тугие тучи?
Что лавиной мчится с кручи?
День — не день, а гад ползучий.
Искушает и измучит,
А, по-грубому, отдрючит.
Событийной тухлой кучей
Человек всю жизнь получит.
День противный вдрызг наскучит.
Только вечный опыт учит:
Завтра лучше, чем вчера.
Ждёт везение. Ура!

ПОСТУПКИ С ВЫВОДАМИ

После пятницы суббота.
Это не переиграть.
Мудрым ты назвал кого-то,
Тот не будет возражать.

Собери плоды под сливой.
Отдохни хоть полчаса.
Даму объяви красивой.
Скакуну задай овса.

Если кто-то жаден очень,
Эта гадость навсегда.
И итог предельно точен:
Жил и умер, без следа.

Вдаль летят по небу гуси.
Восхитился и застыл.
Если в жуткий час не струсил,
Это значит — победил.

Брось свой взгляд на крест собора,
На духмяные стога.
Правду выскажи с разбором,
Наживи себе врага.

Нам бы счастья поминутно.
Каждый день на свой мотив.
Одному всегда уютно.
Но вокруг-то коллектив.

Пусть тропа. Не эстакада.
Может, и недолго плыть?
Нам другого и не надо.
Лишь бы интересно жить

НЕСБЫТОЧНЫЕ МЕЧТЫ

Кто живёт лишь от Пасхи до Пасхи,
Кто от Первого мая до мая.
Чей удел маскарад, но без маски,
Чей удел целовать, не сгорая.
Кто гарцует, в седле не взлетая,
Кто в атаку несётся без каски.

Совпадёт пусть пасхальная дата
С первомайским гуляньем народа.
Маскарад — с поцелуем солдата.
Скачка — с выездом всех на природу.
Войн не будет кому-то в угоду.
Их забудут навеки. Когда-то.

Дети вырастут пусть без рахита.
Риса, хлеба всегда пусть хватает.
Пусть не ссорятся люди сердито.
У бандитов пусть сердце растает.
Жизнь предстанет воротами рая
На земле, где гуляла элита.

КАКАЯ ЖАЛОСТЬ

Я написал во сне стихи.
Во сне, зачем-то, было надо.
Все рифмы были не плохи,
Сверкали строфы как награды.

Все незатасканны слова,
Как были мысли нетипичны.
И восхищалась голова,
Тем, что катрены поэтичны.

Подспудно бил висок: проснись!
Ставь быстро буквы на папирус!
Но сладко сны в душе лились.
Проснуться сложно. Это минус.

Вот, приоткрылся правый глаз.
Мозг строчки сна всю листает.
Припомнить. Быстро и сейчас.
Но стих чудесный тает, тает...

Там помнил, а проснувшись, нет.
Всё позабыл, и жалость гложет.
Что, только я во сне поэт?
А наяву, тогда, я кто же?

СОДЕРЖАНИЕ

С удочками и ружьём

Тепла.....	3
Под водой.....	4
Загон.....	7
Дельта.....	8
Тогда.....	9
Абакан.....	10

Флора и фауна

Птицы.....	12
Рыбы.....	13
Фауна.....	14
Собаки.....	16
Около медведя.....	18
Натюрморт.....	20
Грибы.....	21
Яблоня.....	22
Пожар в тольяттинском лесу.....	22
Огород.....	27
Вода.....	28
Огонь.....	29
Уж.....	30
Контраст.....	31
Как я спал.....	32
Владимировка.....	33

И недавно, и давно

Друг?.....	35
Времена жизни.....	36
Бывшему.....	37
Детство.....	38
Тезисы большой жизни.....	40
Палатка.....	41

Сундук.....	42
Путь.....	43
Хулиганы.....	44
Нетерпёж.....	46
Греческие боги.....	46
Застолье.....	48
Карта.....	50
Плоты.....	51
Сигары.....	53
Уклад.....	54
Память.....	55
Ташкент.....	56
Символ.....	57
Багаж.....	57
Там и здесь.....	60
Лётчики.....	61
Друг детства.....	63
Баллада.....	64
Холодильник.....	65
Если бы.....	66
Вертолёт.....	67
Книги.....	69
Потери.....	71
Новый Год детства.....	71
Майский бизнес.....	72
Время.....	73
Боевая агитбригада.....	74
Что я пил.....	76
Еда детства.....	76
Головные уборы.....	78
А... как?.....	79
Неувядаемый.....	79

О чувствах и мечтах

Лепестки.....	81
Третий причал.....	81
Семья?.....	82
Дамы.....	83
Свеча.....	84
Стихи.....	84

Чувства.....	85
Дар.....	85
Любовь.....	86
Красота.....	86
Черты.....	87
Мадригал.....	88
Болезни.....	89
В море.....	90
Материальное и нет.....	90
Мечты и будни.....	91

Твердые стихотворные формы

Английский (шекспировский) сонет.....	93
Петрарковский сонет.....	93
Спенсеровский сонет.....	94
Классический французский сонет.....	94
Канонический итальянский сонет.....	95
Благородный русский сонет.....	95
Правильный японский сонет.....	96
Средневековый триолет.....	96
Рондо.....	96
Рондель.....	97
Октава.....	97
Септет с королевской строфой.....	98
Испанская децима.....	98
Нона.....	98
Виланель.....	98
Газель.....	99
Старинное рубаи.....	100
Суфийское рубаи.....	100
Философское рубаи.....	100
Хайку.....	100
Танка.....	100

Чуть-чуть замысловатое

Что-то.....	101
Обыденность.....	102
Лысина.....	103
Не суетись.....	104

Мокрядь.....	105
Всяко.....	105
Полуэлегия.....	106
Элегия.....	107
Сутки.....	108
«А».....	109
Польхнём.....	110
Хеллоуин.....	111
Номер.....	112
Ты и мы.....	113
Надо бы.....	114
Смелее.....	115
Пустые обещания.....	115

Разные занятия

Сцена.....	117
Исповедь бомжа.....	119
Лирика названий.....	120
Зефир.....	121
Зарисовки.....	121
Село.....	122
Власть.....	123
Цель.....	124
Лихтер.....	126
Акварель.....	126
Ремонт.....	128
Шашлык.....	129
Инструменты.....	130
Предпочтение.....	131
Грехи.....	133
Сограждане.....	133
Места обетованные.....	134
Цех.....	135
Записки пенсионера.....	136
Буря.....	137
Ностальгия.....	137
В четверг.....	138
Мои рабочие.....	139
На работу.....	140
Мангал.....	140

Агрессоры, не мешайте.....	141
----------------------------	-----

Времена года

Обо всём.....	142
Январь.....	143
Февраль.....	144
Март.....	145
Апрель.....	146
Май.....	147
Холода.....	148
Опять весна.....	149
Как?	150
Осень.....	151

Слова, мысли и вопросы

Что важно?	152
Честь и лесть.....	152
Размышление первое.....	154
Размышление второе.....	155
Размышление третье.....	156
Вместе.....	157
Ложь.....	158
Публичное одиночество.....	159
Здесь и там.....	159
Туда.....	160
Капризница.....	161
Смысл.....	162
И что?	163
За край.....	164
Слово.....	164
Вопросы.....	165
Про меня.....	166
Невезенье.....	167
Поступки с выводами.....	168
Несбыточные мечты.....	169
Какая жалость.....	169

Кирюхин Владимир Иванович

ЗА КРАЙ

корректор **С. Щёлоков**
макет, верстка **В. Мисюк**

Отпечатано в Димитровградской
типографии, ул. Юнг Северного флота, 107.

Заказ №

Подписано в печать 14.04.2016.

Формат 60x84 / 16.

Бумага типографская.

Гарнитура "Peterburg".

Печать офсетная. Объем печ. л. – 11.

Тираж 200 экз.